

ОГНИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Наман Гарр

Огни большого города

Натали Гарр

Огни большого города

«ЭКСМО»

2014

Гарр Н.

Огни большого города / Н. Гарр — «Эксмо», 2014 — (Огни большого города)

Роман «Огни большого города» написан для тех, кто скучает по романтике и чувственности. Героиня – застенчивая бывшая школьница с добрым сердцем и твердым характером – проходит сквозь все искушения большого города, где водятся и гламурные стилисты, и завистливые пижоны, и хорошие парни. Но главное – там живет и управляет огромной финансовой империей Он. Удастся ли Китти-Кэт принять свои тайные желания и разгадать секрет мужчины своей мечты?

Содержание

Глава 1. Бетонные джунгли	6
Глава 2. Мистер Босс	17
Глава 3. Самостоятельность	28
Глава 4. Квартирный вопрос	38
Глава 5. Досье	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Натали Гарр

Огни большого города

Моим маме и папе.

Спасибо за вашу веру, любовь и понимание.

Вы самые лучшие в мире родители.

Моему дяде.

Спасибо за то, что ты всегда был и остаешься моим другом.

Я очень ценю твое мнение и отношение ко мне.

Моему старшему брату.

Спасибо за твою поддержку всегда и во всем.

За твое бесконечное терпение и за то, что ты есть у меня.

Ты мой герой, и я люблю тебя всем сердцем.

Навсегда.

© Натали Гарр, текст, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1. Бетонные джунгли

– И я уверена, большой город пойдет тебе на пользу, – в тысячный раз повторяет мама, выдергивая меня из беспокойного сна.

Мы в самолете, и если верить моим пластмассовым часам, купленным пару лет назад в канцелярском магазине в Нашвилле, то с момента взлета прошло всего двадцать минут. Двадцать минут, а я уже мечтаю поскорей приземлиться.

Во-первых, я панически боюсь летать, а во-вторых, когда моя мать встретится, наконец, со своей сестрой, ее интерес ко мне значительно снизится.

– Я взяла тебе яблочный, – говорит она, протянув мне маленький пластиковый стаканчик.

Со вздохом поворачиваю голову и ловлю на себе ее удивленный взгляд: очевидно, что все время, пока я дремала, мама наивно полагала, что у ее болтовни есть слушатель.

Едва не закатив глаза, говорю: «Спасибо» и делаю несколько коротких глотков. По горлу разливается приятная прохлада с привкусом сидра, решаю допить до конца.

– Надо было книгу захватить. – Журнал благополучно возвращается в карман спинки кресла, и мама вновь заостряет внимание на мне.

У нас разные характеры, но похожая внешность: у меня такие же зеленые глаза и непослушные каштановые волосы, как у нее, и мы обе очень худые. А вот курносый нос и тонкие губы – заслуга с другой стороны.

Ставлю пустой стакан в выемку на откидном столике и вновь отворачиваюсь к окну, притворяясь сонной. Бескрайнее голубое небо слепит глаза, я часто моргаю, но шторку не задвигаю.

Не проходит и минуты, как мама продолжает свои рассуждения о пользе большого города, уговаривая и подбадривая меня, будто я в этом нуждаюсь. Вникать в эту чушь я перестала со вчерашнего вечера, когда ее тщательно подобранный монолог начал повторяться.

Большой город...

Люди всегда стремятся ко всему большому, словно их счастье напрямую зависит от величины домов, улиц или машин.

Я никогда не мечтала оказаться в Нью-Йорке. Меня вполне устраивал Мемфис, штат Теннесси, где я родилась и выросла, но в связи с последними событиями мать настояла на нашем отъезде. Вернее, на моем. Предполагалось, что я еду погостить у тетушки Риз и ее супруга Стюарта – по слухам, самой крепкой и успешной пары в нашем роду.

Мама и тетя всегда были очень близки и, несмотря на отсутствие кровного родства, поддерживали теплые отношения с самого детства.

Я плохо разбираюсь в ветвях нашего семейного дерева, но когда моей маме было пять лет, ее мать умерла, а спустя какое-то время ее отец женился на женщине с ребенком. Так образовалась новая семья и появились две сестры.

Забавно, как чье-то горе может обратиться в чье-то счастье.

Внезапно мне становится не по себе от мрачных мыслей, и я возвращаюсь к Эддингтонам.

Насколько мне известно, они неприлично богаты, чего нельзя сказать о нас. Я не жалуюсь, отец достойно обеспечивал нашу семью, но достаток был средний. А с недавних пор наш бюджет заметно сократился и разделился на пару лишних частей...

Ах, да. В связи с чем меня своевременно депортируют в Нью-Йорк...

После двадцати лет, как всем казалось, счастливого брака мой отец свернул не на ту дорожку, и теперь у него новая семья: молодая жена и восьмилетняя приемная дочь. Такие истории случаются сплошь и рядом, но все-таки хорошо, когда они случаются не с тобой.

Простить ему предательства я так и не смогла. Пока не смогла. И не уверена, что смогу. Наши отношения резко ухудшились, все изменилось, хотя он говорит, что ко мне это не имеет никакого отношения. Они все так говорят, когда решают развестись. Не бред ли?

Весь мой идеально выстроенный мир начал рушиться по кирпичику каждый день, вплоть до того, что свой восемнадцатый день рождения я справила в «Макдональдсе» в компании чизбургера и выдохшейся колы, а мои родители тем временем разводились на соседней улице. Близких друзей у меня не было класса с пятого. Я одиночка по жизни, не желающая разбрасывать своим доверием, хотя однажды меня все-таки угораздило связаться с местным придурком Кевином Хардином – хилым смазливym подростком из параллельного класса. После трех месяцев непонятных отношений он бросил меня на перемене, перед уроком биологии.

Я никому не рассказала, и без того драмы хватает.

Шла последняя неделя марта. После школы мама спросила, не хочу ли я полететь в Нью-Йорк.

А хотела ли я в Нью-Йорк? Нет. Но она была убедительна. И я понимала, что мой отъезд нам обоим необходим.

До выпускного оставалось целых два месяца и несколько экзаменов.

Я сдала все досрочно, получила аттестат и даже не пожалела, что пропущу торжественную часть. К чему веселье, когда ты стоишь отдельно от толпы?

Так что сегодня, первого мая, я без сожалений покинула Мемфис. Предположительно до июля.

* * *

В Международном аэропорту Джона Кеннеди кипит жизнь. От огромного скопления людей рябит в глазах. Одни суеются вокруг, словно муравьи, разделенные на стайки, другие уныло дожидаются своих рейсов, уткнувшись в навороченные чудеса техники.

К счастью, нам не приходится возиться с багажом, мы ничего не сдавали. Моя одежда уместилась в небольшой чемодан, а мама прихватила маленькую сумку.

Растерянно пробираюсь к выходу и уже чувствую себя здесь чужой. Трусиха внутри меня впадает в панику и заранее жалеет, что ввязалась во все это, но как сообщить об этом довольной и положительно настроенной матери?

Безуспешно пытаюсь расшевелиться, но меня то и дело толкают, наступают на ноги и даже не извиняются. Если в Мемфисе я мешала только своим родным, то в Нью-Йорке, похоже, всем.

– Риз, дорогая! – Отрезвляющий полувизг, и я фокусирую зрение на возникшей из ниоткуда тете и счастливой, как никогда, маме.

Они крепко обнимаются. Я все еще в ступоре от небольшой суматохи, голова даже разболелась.

– Я приехала на двадцать минут раньше, мало ли что!

– А наш рейс, как назло, задержали!

– Ерунда, Шэрил, – весело отмахивается тетя, улыбка не сходит с ее лица.

Настала моя очередь здороваться. Как нехстати.

– Кэти, ты помнишь Риз? Вы не виделись... сколько? – Маме требуется подсказка из зала.

– Пять лет, не меньше, – помогает ей тетя и тянет ко мне свои изящные руки. Неуклюже обнимаю ее в ответ.

– Какая ты хорошенькая, дорогая!

– Спасибо, – смущаюсь, но на душе неожиданно теплеет.

Риз одна из немногих, от кого веет естественным обаянием.

«А еще дорогим парфюмом», – думаю я.

– Давайте поскорей уйдем отсюда. – Тетя делает кому-то жест, и вот уже мой чемодан лежит на тележке и какой-то плотный высокий тип в темном костюме везет ее впереди себя.

Обалдеть!

Мы втроем, плюс носильщик/охранник/водитель (понятия не имею, кто это), идем по широкой парковке. Я отстаю от всех на несколько шагов и невольно задерживаю взгляд на Риз. Она очень элегантна: белая юбка-футляр чуть ниже колен и приталенный пиджак в тон выигрышно подчеркивают ее узкую талию, на ногах бежевые туфли с красной подошвой. Хм, никогда таких не видела.

Темно-русые волосы до плеч заплетены в толстую косу, а в ушах сверкают маленькие серьги-гвоздики, наверняка с бриллиантами.

Стюарта я тоже давно не видела. В последний раз Эддингтоны приезжали к нам на сорокалетие отца. Наша семья устроила грандиозный прием по такому случаю. Кажется, даже один из их сыновей присутствовал, но не уверена.

– Кэти, солнце, садись. – Риз мягко подталкивает меня к ярко-бордовому автомобилю с впечатляющей эмблемой «Мерседес».

Сажусь на заднее сиденье вместе с мамой, а тетя устраивается рядом с водителем/охранником/носильщиком (думаю, он многофункционален).

– Стюарт наверняка уже дома, дожидается нас.

– Как его спина? Вы обратились к мануальщику?

Начинается! Стариковские разговоры о больных костях и прочих приятностях.

– Нет, ты же знаешь, какой он мнительный! Ему прописали таблетки, и он их пьет. Молча.

– Хитрец. – Обе смеются. – Как ваши мальчики?

– Не спрашивай. Оказывается, с возрастом они становятся только хуже.

Бросаю на маму короткий взгляд.

Вот видишь?

Да, ей полезно узнать, что не только в нашей семье выросло дьявольское отродье.

– Пусть теперь другие женщины о них заботятся, Ризи.

– Они уж позаботятся! Майку придется составить график, кто и по каким дням окружит его лаской.

– Никак не остепенится?

– Что ты! Это набирает обороты! – Даже мои губы растягиваются в улыбке.

– А что Роберт?

Риз тяжело вздыхает. В долю секунды весь ее задор и непринужденность испаряются.

– Вечно занят. У него своя жизнь, мы не вмешиваемся. Но он внимателен. Звонит каждый день, приезжает...

– Это самое главное.

– Да. – Риз на минуту умолкает, после чего обращается к водителю: – Фил, притормози здесь, – она оборачивается к нам, – я быстро забегу, возьму кое-что к десерту...

Мы одновременно киваем, а тетя изящно выбирается из машины.

Устало запрокидываю голову на подголовник, чувствуя, как мама нежно проводит рукой по моим волосам.

– Как ты? Скоро приедем, потерпи.

– Все в порядке, – ворчливо проговариваю я, раздражаясь от ее навязчивой заботы. Я ведь не ребенок.

* * *

Оказавшись в роскошных апартаментах в верхнем Ист-Сайде, я остолбенела. Вся наша квартира могла уместиться у них в фойе! Это учитывая, что в Мемфисе мы жили далеко не в хибаре, но с этими хоромами, конечно, не сравнить.

Из окон открывается прекрасный вид на Центральный парк, а интерьер обставлен в классическом, сдержанном стиле. И столько света!

Голоса отдаются чуть слышным эхом, и мне по-детски хочется закричать и проверить, насколько гулким оно может быть. Плохая идея, согласна.

Все так красиво и в то же время не вычурно. Чувствуется стиль. Не зря дядя родом из Англии.

Стюарт принял нас радужно и гостеприимно. С нашей последней встречи он немного постарел, и все же в свои пятьдесят шесть выглядит лишь на сорок восемь.

За полтора часа, проведенных у Эддингтонов, я узнала кучу ненужной информации: насколько больная у Стюарта спина, какой наркоз использовался, когда дедушке оперировали левый глаз, о минусах жизни на Манхэттене (они, оказывается, есть), куда запропастилась кухня Линда и почему стены выкрашены в бежевый цвет, а не в бледно-голубой.

Все по очереди предлагали мне попить и поесть. Ужасно не люблю столько внимания! Я то и дело хватала мини-кексы с серебряного подноса и интенсивно работала челюстями, ведь стоило мне отвлечься, как на меня сию секунду накидывались и предлагали что-нибудь еще. От нескончаемого потока информации мозг трещал по швам, а из носа и ушей вот-вот мог повалить пар.

Спустя еще полчаса, когда меня уже перекашивало от перенасыщения, нам объявили, что ужин подан и пора перемещаться в столовую. Перспектива лопнуть за идеально накрытым столом в дорогом районе Нью-Йорка казалась мне как минимум неприличной.

* * *

– Я тогда училась в колледже... ох, как же я ненавидела философию! – разоткровенничалась тетя, углубившись в воспоминания столетней давности.

Мы только дошли до второго блюда, а мне уже все наскучило, и даже аппетитная баранина, политая сладким соусом, не вызывает энтузиазма. Когда все начинают смеяться, я автоматически подключаюсь к ним, понятия не имея, над чем они хохочут.

От глубоких мыслей и методичного расчленения несчастного куска мяса меня отвлекает заявившийся гость.

– Прощу прощения за опоздание! – В комнату широкими шагами входит темноволосый молодой человек в несуразном синем комбинезоне, белой футболке и светлых массивных кроссовках. Его стиль совсем не вписывается в обстановку этого дома, поэтому я просто роняю челюсть, так и застыв с вилкой в руке.

– Сынок, мы думали, ты не придешь, – приподнимается тетя, но парень ласково накрывает ее плечи и сам наклоняется за поцелуем.

– Добрый вечер! – приветствует он всех.

– Шэрил, вот он – наш сердцеед!

Майкл?

– Ох, как повзрослел! – восхищается мама.

– Майк, ты ведь помнишь мою Шэрил?

– Да, очень рад встрече, – улыбается Майк.

– И Кэти.

Сжимаюсь от стеснения. Терпеть не могу, когда мое и без того не грандиозное имя сокращают до щенячьей клички! Майкл переводит на меня взгляд и... подмигивает. Растерянно улыбаюсь в ответ, опустив, наконец, свою вилку. Экономка суетливо ставит на стол дополнительные приборы, а парень садится напротив меня.

– Как с тем вопросом? Ты разобрался, Майк? – спрашивает его Стюарт со своим неповторимым британским акцентом. Судя по всему, здесь только он так разговаривает, остальные воспитаны на американский манер.

– Да, все в порядке, – тихо отвечает парень, исследуя предложенные на выбор блюда. Не успевая отвести любопытного взгляда, он ловит меня на месте и усмехается.

Ох, стыд-позор!

Зачем-то беру стакан и пью большими глотками, не сразу сообразив, что вода ледяная. Глаза на лоб лезут от боли в деснах! Mamochka!

Майкл смеется в кулак. Ах ты паразит...

– Сынок, видел сегодня брата? – вкрадчиво интересуется Риз.

– Да, – весело отвечает «сынок», – он весь в новой сделке. Боюсь мимо проходить – сожрет.

Дядя улыбается, а тетя осуждающе качает головой: мол, как грубо.

– Роберт очень занят, я тебе говорила, – гордо заявляет Риз уже своей сестре, – у него крупная компания, правда, Стю?

– Да, верно. Девелоперская.

– Как интересно, – поддакивает мама, будто она в этом разбирается. Меня так и тянет закатить глаза, но в стенах этого дома я боюсь даже локти на стол поставить, не то что кривляться.

– Он уже столько достиг, и это в таком-то возрасте, – хвастливо добавляет тетя.

Исподтишка поглядываю на Майкла – тот безучастно намазывает масло на разрезанную пополам булочку.

– Он мог бы устроить к себе Кэти...

Услышав свое имя, я вздрагиваю и вытягиваюсь в один сплошной знак вопроса. Что? Кто? Куда?

– Так ведь, Майк? – через весь стол допытывается Риз.

– А? – Младший явно не в курсе. – Прости, я не расслышал.

– Кэти останется в Нью-Йорке на какое-то время. Я подумала, Роберт мог бы взять ее к себе. На небольшую должность.

А меня, разумеется, никто не спросил. Боже, как неловко!

– Э-э... наверно. – Ну вот, он тоже в замешательстве. Наши глаза встречаются.

– Замечательно! Поговори с ним завтра. – Риз Эддингтон ни перед чем не остановится.

О'кей, позже поругаюсь с мамой!

– Обязательно, – скорее мне, чем матери, обещает парень. У него такие же голубые глаза, как у тети.

Не успеваю подумать о чем-то еще, например, о странном наличии манго в греческом салате, как нам подают новое блюдо. В желудке едва ли найдется место для оливки, но раз уж предстоит долгое заседание, а я даже голову не могу поднять, чтобы этот комбинезон не паялся, придется есть.

* * *

Комната для гостей выглядит не хуже, чем гостиная: огромная, уютная и абсолютно безупречная.

Нам с мамой постелили вместе, однако, чтобы докричаться от одной кровати до другой, мне может потребоваться мегафон.

Запах постельного белья сводит с ума! Это не просто стиральный порошок и кондиционер. Оно благоухает так, словно его хранили в ящике с живыми цветами. Невероятно!

Опускаю свинцовую голову на подушку, мечтаю забыться в глубоком сне, но тут появляется мама.

– Спишь?

– Нет еще.

– Хорошо. Я боялась разбудить. Все нормально?

– Ага. Думала, будет хуже.

– Ну что ты? Разве есть повод?

– Ну знаешь... новый дом, новые люди... – мямлю я, – но они хорошие, вежливые...

– Риз просто чудо! Не представляешь, как я скучаю по нашему детству, – с трепетом произносит мама. – Счастливое было время...

Она снимает свой любимый синий жакет, подходит к моей кровати и садится на самый краешек.

Решаю уточнить кое-что, пока не забыла:

– Что еще за история с моей работой?

– Ах, да! Майкл поговорит с братом, уверена, он не откажет.

– Не напрашивайся. И вообще – я здесь всего на пару месяцев.

– Мы и не напрашиваемся. Риз сама предложила. А она знает своих детей лучше, чем кто-либо. Если бы ее сына это могло рассердить или поставить в неловкое положение, она бы и не заикнулась.

– Это не повод соглашаться, – возражаю я, посоветовавшись со своей гордостью.

– Ты же не хочешь все время торчать дома? Займешься чем-нибудь, познакомишься с новыми людьми...

Раздраженно фыркаю. «С новыми людьми!» Люди то и дело предают меня, родной отец не исключение.

– Кэти, не волнуйся, – успокаивает меня мама. Не родительница, а ходячий антидепрессант!

– Я не волнуюсь. Я просто не представляю себе... вообще ничего, – жалобно скулю я, опустив ресницы.

– Уверена, тебе здесь понравится.

Утыкаюсь носом в подушку и бурчу: «Посмотрим». Ее не переспорить.

– Погуляем завтра по городу?

– Ладно.

– Спи. Уже поздно. – Мама встает и отдаляется в сторону ванной, а я расправляю одеяло, с наслаждением вдыхая аромат, которым пропитан мягкий хлопок, и медленно проваливаюсь в сон.

* * *

В Нью-Йорке время летит быстрее, чем в Мемфисе. Наверно, так и должно быть. Толпы людей, машин, все куда-то спешат, опаздывают. Не скучно.

Здесь, среди грозно возвышающихся небоскребов, чувствуешь себя маленьким потерявшимся человечком. Такие вершины нужно покорять, а справишься ты или нет, зависит лишь

от твоего потенциала. Этот город бросает тебе вызов, и ты обязан его принять. «Бетонные джунгли, где сбываются мечты»¹.

Но если Джей-Зи и Алишию² подобные выводы вдохновляют, то меня они возвращают в суровую реальность, где я попусту никто. Серость со скудной биографией и сумбуром в голове. Разве мне здесь место?

Меня высадили где-то на 42-й улице, расписав, куда я должна войти, к кому подойти, ничего не бояться и никого не стесняться. Последнее шепнула мама, она знает, как мне хреново.

Но я обещала тете, что пойду, и не могу сбежать, даже не попробовав. Это невежливо. К тому же из-за непрекращающихся диалогов со своим альтер эго я опаздываю.

Итак, внушив себе, что в худшем случае я просто опозорюсь, собираю волю в кулак, вхожу в высокое, задевающее небо здание и... замираю, словно оказалась не в том месте, не в то время. Одно сплошное «вау». По блестящему, идеально отполированному светлому полу один за другим ступают начищенные темные туфли, а прямо на меня издали тарашится объемная надпись золотистого цвета: Eddington Development Group.

Неловко переминаюсь с ноги на ногу, чувствуя себя последним чучелом на планете. Никто не предупредил меня насчет униформы, и я приперлась, как всегда. В лучшем случае меня примут за курьера, в худшем – за уборщицу. С конечным предположением трудно примириться, поэтому я на секунду думаю пуститься в бег, отчетливо представив себе дальнейшее развитие событий.

Но из-за наличия здравого смысла и совести все не так просто.

Во мне борются два человека: одному стыдно перед тетей, другому перед марширующими туда-сюда белыми воротничками, не обращающими на меня никакого внимания.

Сообразив, что я уже доковыляла до стойки информации (или что это?) и девушка модельной внешности с интересом меня разглядывает, заикаясь, излагаю ей суть своего визита.

Красотка на проходной любезно вручила мне пропуск и даже поделилась координатами: «Брюс Кейн, 25 этаж».

На верхней панели лифта загораются две цифры, двери беззвучно разъезжаются в стороны, а я уже ничего не чувствую, кроме волнения, плавно перетекающего в липкий страх. Во рту горечь, и сосет под ложечкой.

На выходе из обвешанной зеркалами кабины успеваю рассмотреть себя со всех сторон.

Ужасно, просто ужасно!

В потертых джинсах, черной олимпийке, нацепленной поверх серой майки, и в неаккуратно зашнурованных кедах я вряд ли сойду за родственницу мистера Эддингтона. Но справедливости ради должна сказать, что моей вины здесь нет. Риз не упоминала ни о каком Брюсе. Я наивно полагала, что меня встретит Майк и мы обойдемся без формальностей.

Мне не по себе. Не хватало еще сдохнуть и опозориться!

– Мисс Бэйли? – Оборачиваюсь на мягкий голос и вижу миловидную шатенку за секретарским столом. На ней черный костюм и белая блузка.

– Да, – растерянно буркаю я тембром дальнобойщика после попойки, – у меня назначена встреча с мистером... – скашиваю взгляд на бумажку, – Кейном.

– Да, проходите, пожалуйста. – Секретарша указывает на приоткрытую справа от меня дверь.

¹ Строчка из песни «Empire state of mind», исполненная Джей-Зи и Алишей Киз.

² **Джей-Зи** – американский рэпер. **Алишия Киз** – пианистка, поэтесса и композитор, выступающая в стилях ритм-энд-блюз, соул и неосоул.

Хм, меня уже ждут. Даже пропуск не попросили, надо же. Наверно, красотка снизу уже обзвонила всю компанию и прямо сейчас меня незаметно фоткают на телефоны, чтоб потом поржать.

Внезапно на меня находит злость. К чему вся эта помпезность? Неужели Майкл не мог сам встретить меня и удостоить чести стать кофемейкером или, на худой конец, полотером?

У меня уже стресс, а ведь я еще даже до собеседования не дошла.

Что за мистер Кейн? Он злой? Психованный? Надменный?

Вдруг я его взбешу еще до того, как появлюсь на пороге.

Где Майкл? Предупредил ли он его? Наверняка, раз меня еще не выволокли вон.

Что ж, выбора нет – либо в кабинет, либо в лифт. Решаюсь на первое. Черт с ним, пусть убивают!

Понабравшись у Риз хороших манер, стучусь и заглядываю в кабинет.

Возле окна стоит плотный мужчина среднего роста, с очень короткой стрижкой.

Не будь у меня орлиное зрение, его вполне можно было бы принять за лысого. Одетый в черные брюки и светло-голубую рубашку, он разговаривает по телефону.

– Мистер Кейн? – кротко лепечу я.

Он оборачивается и жестом приглашает меня войти.

– Я еще раз все проверю и дам тебе знать, – голос приятный, – нужно дождаться ответа из Японии. – Кейн замечает, что я по-прежнему стою. – Присаживайтесь, – говорит он, прикрыв ладонью динамик. На вид ему лет сорок или около того.

Присаживаюсь и осматриваюсь. Не знаю, куда девать руки, поэтому складываю их на коленях, как первоклашка. Первое, что бросается в глаза, это табличка на столе.

«Брюс Кейн. Директор департамента по связям с общественностью». Прикидываю, сколько людей может работать в ED Group...

И сколько человек в подчинении у самого Кейна?

Это его личная секретарша, или она трудится на весь этаж?

У всех ли такие большие кабинеты?

Где сидит Майкл?

А босс?

Почему никто не предложил мне кофе?

Почему Кейн не носит галстука?

– Прошу прощения, мисс... – Вопрос про галстук застревает между мыслями о кофе и моей фамилией.

– Кэтрин... – запинаясь, – Бэйли.

– Точно. – Он щелкает пальцами. На безымянном блестит кольцо.

Женат.

– У нас всего несколько минут, не утро, а сумасшедший дом... – Кейн устало потирает свою почти гладкую голову и делает серьезное лицо. Если бы он знал, какой это для меня сумасшедший дом! – Итак, Майкл сказал, что вы только окончили школу. Собираетесь поступать в колледж?

– Да, конечно... меня приняли в Университет Мемфиса.

– Угу, понятно. – Он не впечатлен, впрочем, я тоже. Зато мои родители прыгали до потолка. – К сожалению, единственное, что я могу вам предложить, это что-нибудь попроще. Скажем, маленькую роль в большом кино. – Забавная игра слов. По глазам вижу, он считает меня полной идиоткой.

– Хорошо, – смиренно соглашаюсь я.

Кейн отвлекается на монитор и стучит по клавиатуре.

– Значит... – на секунду замолкает, по-прежнему что-то печатая, – вас устроит место помощницы секретаря в отделе кадров?

Ого! Я-то думала о швабре и чистке унитазов. И это «маленькая роль в большом кино»? Наши стандарты заметно разнятся.

– Да, конечно, – воодушевленно киваю.

– Отлично. Тогда я направлю вас к мисс Мур, она вам все покажет, познакомит с персоналом. С завтрашнего дня вас устроит?

Мысленно перебираю свой распорядок дня: встать, поесть, погулять, понюхать, поесть, попить, поспать...

– Да, устроит.

– Хорошо. – Кейн встает и собирает со стола какие-то бумаги. Деловой дядька. Я тоже поднимаюсь и скромно сплетаю пальцы в замок, по-прежнему чувствуя себя нелепо. – Вроде все... – задумчиво произносит он, пытаюсь сосредоточиться. – А, дресс-код. – Брюс поднимает палец и окидывает меня беглым взглядом.

Приехали! Я густо краснею. Наверняка мой наряд навел на него страху.

– Строгий костюм исключительно черного цвета, белая блузка и туфли на невысоком каблуке.

– Брючный костюм или юбка? – с надеждой уточняю я. Только бы не юбка!

– Не имеет значения, – он потирает переносицу, – главное, не намного выше колен. Ну, вы понимаете.

– Да, кажется. – По-любому юбку не надену, так что без разницы, пусть хоть с тридцатисантиметровым шлейфом и семейными трусами под ней.

– Рабочий день у вас с десяти, – он хмурится и достает из кармана сотовый, – постоянный пропуск получите внизу в свой следующий приход.

– Понятно, – тихо отзываюсь я. Не знаю, что говорить и что спрашивать. Меня все устраивает, кроме дресс-кода.

– Тогда все. Надеюсь, вам понравится работать в нашей компании, – с улыбкой заключает он.

– Спасибо, мистер Кейн. – Стараюсь быть вежливой и не кривить пасть. Он обходится без рукопожатия и пропускает меня вперед. Ужасно не люблю идти спереди, а уж в этом своем неправильном шмотье и подавно. Уныло плетусь к двери, проклиная все на свете.

* * *

«Дресс-код» – всю оставшуюся половину дня я пыталась привыкнуть к этому неприятному словосочетанию. Проблема в том, что в моем скромном тинэйджерском гардеробе не нашлось ни одного черного костюма и ни одной белой блузки, и теперь мне предстоит встреча с каким-то субъектом, специализирующимся на моде. На моде! Никогда бы не подумала, что для покупки офисного барахла кому-то может понадобиться стилист. Если, конечно, по вторникам в ED Group не устраивают вручение «Оскара».

Моих слабых попыток закупиться в дешевеньком сетевом магазине не хватило, чтобы противостоять Риз и матери, активно поддакивающей ей.

«Это мой подарок!» – твердила одна, а другая убеждала: «Кэти, не противься».

Кэти... как же я ненавижу эту кличку! Будто я чихуахуа или пятилетняя девочка. Впрочем, сейчас я именно так себя и чувствую. Маленькой и потерянной в одном из самых больших городов мира.

Отрезвленная гулом машин, я вспоминаю, куда и зачем шла. «Бергдорф Гудман»³... ах, вот же он.

³ Бергдорф Гудман – старинный универсальный магазин, расположенный на 5-й авеню на Манхэттене, Нью-Йорк.

– Кэтрин? – Оборачиваюсь настолько быстро, что волосы падают на лицо, и я становлюсь похожей на перевернутую вверх тормашками швабру.

– Э-э, да. – Быстро отбрасываю пряди назад, расчищая обзор.

– Привет! Я Фабио Монте, рад встрече! – Незнакомец по-свойски обнимает меня и целует в обе щеки.

Что это?

– Я тоже, – смущенно говорю я.

– Идем, у нас мало времени! – Фабио Монте берет меня за руку и ведет через вращающиеся двери «Гудмана».

Мы внутри одного из самых знаменитых универмагов мира, но меня нисколько не занимает интерьер, ассортимент или покупатели. Я нагло плююсь на своего стилиста, изумленная его видом. Парень невероятно высокий и стройный. У него жгуче-черные волосы, коротко стриженные с боков и пышно уложенные сверху, и идеально вылепленное лицо: высокие скулы, ровный точеный нос, очерченные губы. Кажется, на них виднеется блеск... Непостижимо, но ему идет. Я почти уверена, что он гей. Очень привлекательный гей, даже для девственниц-натуралок вроде меня.

Одет мистер Монте тоже весьма своеобразно: на нем черная кожаная куртка с закатанными по локоть рукавами, белая майка с каким-то принтом, мне не видно, а на чересчур изящных для мужчины руках болтаются звякающие браслеты. Бесконечно длинные ноги обтянуты черными джинсами и обуты в кеды на платформе... я в шоке. Все так странно, но от него невозможно оторвать глаз.

– Что за спешка с твоей работой? – спрашивает вдруг он, прерывая ход моих мыслей. – Риз сказала, немедленно.

Пытаюсь сообразить, на каком мы этаже. Похоже, я дезориентировалась.

– Да... это... неожиданно предложили.

– Риз очень милая. Не пойму только, зачем она отправляет столь славное создание в... – Монте обрывается на полуслове, моя рука по-прежнему в его руке. «Отправляет славное создание в...» Куда? В задницу?

– В смысле?.. – осторожно интересуюсь я, и в этот момент меня плавно уводят влево.

– Зайдем сюда, у них есть на что посмотреть.

Не сомневаюсь, но меня по-прежнему волнует неоконченная фраза. Фабио, наконец, отпускает меня и погружается в нелегкий процесс выбора между черным и черным костюмами. На мой взгляд, они идентичны, не понимаю, о чем тут думать?

– Мистер М...

– Фу, дорогая, никаких «мистеров»! – резко отрезает он, брезгливо поморщившись.

– Хорошо, Фабио...

– Фаби, – он поворачивает голову и лучезарно улыбается, – так сексуальнее.

Смотрю в его карие, чуть раскосые глаза и улыбаюсь в ответ. Он слишком клевый, чтобы оставаться беспристрастной.

– О'кей, Фаби, что ты имел в виду, говоря об отправке славного создания в...?

– Ну, – он вздыхает, – она могла бы найти для тебя что-нибудь поинтереснее, чем скучную девелоперскую компанию. Или тебя интересует бизнес? – Вешалки противно скрипят, когда стилист поочередно сдвигает костюмы друг к другу. Интересует ли меня бизнес? Совсем нет.

– По правде говоря, я просто не хочу сидеть дома. Вряд ли мне с моим школьным аттестатом предложат что-нибудь лучше.

– Хм, тоже верно. – Фаби поворачивается и прикладывает ко мне пиджак. – Нет, все-таки двойка, – задумчиво произносит он, возвращая вещь на место. – Ты тощая, это облегчает нам выбор. – От подобной наглости я просто раскрываю рот.

– Спасибо за напоминание, что я урод... – Я насупливаюсь, а Фабио изумленно выпучивает глаза.

– Что ты, дорогая? Это был комплимент!

Ну конечно...

– Добрый вечер! Я могу вам помочь? – наше уединение нарушает миниатюрная блондинка. Монте даже не устаивает ее кивка. Он сгребает в охапку то, что отобрал, и практически увешивает бедняжку всем этим.

– Мы будем мерить это и... – серьезный прищур, и его длинные пальцы с множеством колец тянутся к чему-то еще, – и это.

– О, хорошо... – Похоже, она в замешательстве. Заваленная моими костюмами, девушка с трудом плетется к примерочным, а мы по-царски медленно следуем за ней.

– Может, не стоило нагружать ее так? – с состраданием произношу я.

– Ой, я тебя прошу!

В примерочной я провожу ровно двадцать пять минут, и за это время успеваю примерить восемнадцать костюмов. На оценку ситуации Фаби тратит меньше минуты. Я выхожу, и он резюмирует: «возможно» или «нет». В «возможно» у нас покоится всего три позиции, а в «нет» пятнадцать. И вот остается последний кандидат на мою униформу. Если он не удостоится «да», то нам придется вернуться к «возможно», а мне уже надоело исполнять роль подопытного кролика. С кислой миной выхожу на очередной суд. Фаби берется за свой острый подбородок и внимательно осматривает меня со всех сторон.

– Вот! То, что нужно, – говорит он самому себе. Да неужели?! Хочу подпрыгнуть с победоносным кличем, но сдерживаюсь.

– Куколка.

На мгновение я не верю своим ушам. Он обращается к блондинке или ко мне?

– Ты похожа на куколку, – стилист бесцеремонно шагает в примерочную и, встав у меня за спиной, надавливает мне на лопатки, – только не сутулься. – Я послушно расправляю плечи. – Ну вот, так-то лучше. Ладно, переодевайся. А я пока подумаю о тифельках для твоих милых ножек.

Фабио выныривает прочь, оставляя после себя шлейф незабываемого парфюма.

– Вообще-то я думала обойтись балетками...

– Что-о-о-о??? Н-е-е-т!

Представляю, в каком он ужасе, и смеюсь. Задумчиво вылезаю из брюк, оценив их шикарное качество, затем кошусь на ценник и чуть не падаю в обморок. Ни фиги себе!

Родители развелись, у отца новая семья, я в Нью-Йорке, где меня берут на работу в крупную компанию, и сейчас в «Гудмане» мне покупают костюм за полторы тысячи долларов.

Глава 2. Мистер Босс

Утро начинается с паники.

Костюм за полторы тысячи долларов никак не хочет на мне сидеть, а от узких туфель с непривычки ноют ноги. Не знаю, как поступить с волосами: собрать в хвост или распустить? В ED Group у всех женщин идеальные прически. Такое впечатление, что у каждой имеется по личному парикмахеру и причесывают их раньше, чем они успевают почистить зубы. А я что? Я никогда даже не прибегала к окрашиванию. Прожила до восемнадцати со своим тусклым, ничем не примечательным каштановым цветом. Расчесываюсь и благодарю Бога за такое изобретение, как кондиционер для волос. Они даже блестят, хм...

Но все равно что-то не то! Устало вздыхаю и прихожу к выводу, что я в любом случае найду к чему придаться, поэтому оставляю их распущенными, так лучше. Уф, что дальше? Думаю, мне потребуется макияж. Краситься я ненавижу еще больше, чем наряжаться, и кроме гигиенической помады у меня ничего нет.

– Черт! – Перестаю мерить шагами комнату и сажусь на кровать. Настроение – полное дерьмо. Ну куда я прусь? Это не мое! А еще завтра моя мать возвращается в Мемфис. Я знала, что она не сможет остаться, но выдержу ли я в одиночку целых два месяца на чужой планете?

– Кэти, детка, ты собралась? – Риз стучится в дверь. Еще бы! Ей не терпится оценить мой дресс-код.

– Сейчас спущусь!

* * *

Всю дорогу мама и тетя уверяли меня, что я красавица.

Даже несговорчивый водитель подтвердил это сдержанным кивком и полуулыбкой, и в какой-то момент, приблизительно на полпути, я даже начала им верить.

Сегодня здание не казалось мне таким чужим и страшным, как вчера, когда я ощущала себя медузой, по ошибке выброшенной в аквариум с вуалехвостами⁴.

Получив постоянный пропуск со своей фамилией и припиской «стажер», отправляюсь на встречу к некой Аманде Мур.

«Стажер».

Наверное, должности «помощник секретаря» не существует, а обозначить мое присутствие надо. Или все дело в возрасте и школьном аттестате? Неизвестность жутко нервирует. Прежде мне никогда не приходилось работать – это мой дебют, и больше всего меня беспокоит отношение коллектива.

Поднимаюсь на двадцать четвертый этаж. В отличие от двадцать пятого здесь полно народу и очень шумно. Сажусь на диван и дожидаясь Аманду, с жадностью поглядывая на установленный неподалеку кулер.

От волнения и огромного количества одинаковых людей во рту пересохло, но как только я нокаутирую свое стеснение и собираюсь потянуться к спасительному аппарату, появляется Аманда.

– Мисс Бэйли? – Мой взгляд застывает на высокой эффектной брюнетке средних лет.

– Здравствуйте. – Встаю по стойке смирно.

– Доброе утро! Я Аманда Мур, личный ассистент мистера Кейна. – Ее лицо озаряется улыбкой. – Он поручил мне заняться вашим обустройством, пойдёмте.

⁴ Вуалехвост – декоративная аквариумная рыбка.

Аманда уверенной походкой шагает вдоль коридора, а я плетусь за ней, неестественно двигая ногами, руками и всеми своими конечностями. В этих туфлях я больше похожа на перекошенную парализованную утку, нежели на стажера или кем меня там назначили.

Черт бы побрал Фаби за его ненависть к балеткам!

На Аманде, как и на всех остальных, черный пиджак, юбка чуть ниже колен, белая блузка и кожаные черные туфли на невысоком каблучке. Иссиня-черные волосы собраны на затылке в аккуратный пучок, а на носу прямоугольные очки без оправы.

«Крутая», – думаю я, перед тем как войти в кабинет.

– Проходите, – она придерживает для меня дверь, – это Селест Гранди – секретарь. – Опускаю глаза на рыжеволосую девушку, сидящую за угловым столом. – Селест, это Кэтрин Бэйли. Она теперь работает в отделе кадров.

– Здравствуйте, – настороженно бурчит секретарша. Похоже, случайная подмога ее не радует.

– Приятно познакомиться, – с напускной доброжелательностью говорю я.

– Ваша начальница мисс Мэри Смит сидит здесь, – Аманда указывает на соседнюю дверь, – она позже подойдет. В остальном вам поможет Селест, о'кей? – Мисс Мур улыбается, а я переглядываюсь с Селест. Та неприветливо отворачивается к компьютеру и слабо кивает. – Тогда все. Если вдруг возникнут трудности, не стесняйтесь обратиться ко мне.

– Спасибо, мисс Мур.

Аманда уходит, а я неуверенно подхожу к единственному свободному столу и осматриваюсь.

– В компьютер уже вбиты необходимые данные, и я сделала закладки, – вещает из своего угла рыжая.

– Хорошо, спасибо, – застенчиво бормочу я, мечтая поскорей очутиться дома.

* * *

Мэри Смит заявила около полудня и произвела на меня не самое лучшее впечатление. Строгая, не улыбкающая и крайне несимпатичная особа. Называть ее «мисс» язык не поворачивается, потому что ей как минимум пятьдесят. Будучи упитанной низкорослой шатенкой, она далека от идеала, что меня лично радует. На ее фоне я даже чувствую себя симпатичной.

Селест поручила мне разобрать картотеку, разложить папки по датам и именам, чему я несказанно рада! Чем проще работа, тем меньше вероятности что-нибудь испортить и опозориться.

Чуть позже рыжая возвращается с чашкой кофе и пачкой печенья под мышкой. Могла бы и мне захватить, жадина.

– На ланч не идешь? – спрашивает она монотонно.

– Э-э... я тут еще не закончила.

Она отмахивается и впервые улыбается мне:

– Да это на несколько дней. Ты же не можешь теперь голодать.

Кривлю губы, едва не краснея. Надо же так ступить...

– Тогда я пойду?

– Конечно. Перерыв на обед у нас полчаса. – Ого, как все четко.

– Ладно. А... где это?

– На десятом этаже. Из лифта направо.

Оставляю картотеку в покое и поднимаюсь с насиженного места. Надо бы попросить другое кресло, ненавижу кожу.

* * *

Кафетерий, или лучше сказать – ресторан, оказывается еще оживленнее, чем двадцать четвертый этаж. С одной стороны тянется длинный стол с всевозможной пищей, с другой стоят столики и куча людей в костюмах. В черных костюмах и белых блузках/рубашках. Жуткое зрелище!

Ладно, посмотрим. Нахожу поднос, ставлю на него тарелку, стакан и пристраиваюсь к «людям в черном». Сотрудники по очереди наливают себе суп, а я не взяла глубокой посуды, идиотка! Оборачиваюсь, чтоб исправить ситуацию, но за мной уже человек пять, не меньше. Как-то неудобно просить их о передаче. Предпочитаю обойтись без супа и с досадой продвигаюсь ко вторым блюдам.

Выскиваю что-нибудь подходящее и, узрев куриное филе, обжаренное в сухарях, довольно сияю. «Ням-ням-ням».

– Любите курицу?

Вскидываю голову и вижу, как надо мной возвышается высокий блондин.

Это еще что такое? Ник Картер⁵ забил на музыку и заделался клерком?

– Эм... в общем, да, – невнятно бормочу я, принимая из его рук длинную ложку, – спасибо.

– Не за что, – вежливо отвечает блондин, – попробуйте вон ту приправу. Очень вкусно, особенно с филе.

Не вижу никакой приправы, я смущена до смерти и на автомате наложила в тарелку кучу еды. На слона в зоопарке хватит.

Чувствую, что лицо просто пылает огнем. Со мной всегда так в обществе мужчин, а симпатичных – тем более. Этот симпатичный. Худенький и совсем молодой, с прозрачно-голубыми глазами.

– Вот, сейчас. – Смекнув, что я в предкоматозном состоянии, парень сам поливает приправой мою курицу, и очередь плывет вперед. Черт, я даже не поблагодарила его, свинья! К счастью, он вдруг отвлекается от меня, мы подходим к кассе, и тут меня осеняет, что я не взяла кошелек. Вот черт!

Мамина кредитка осталась у меня в сумке, в кабинете! Голова кружится, я начинаю потеть, словно из здания вынесли все кондиционеры и включили печь.

«Ох, не зря я боялась опозориться, этот час настал!» – мысленно причитаю я, глядя, как мужчина перед клоном Картера расплачивается.

Я судорожно перебираю все возможные варианты. Первый – сделать вид, что мне поплохело, и смыться из очереди. Второй – оставить поднос и честно признаться, что деньги на двадцать четвертом этаже. Третий – попросить записать все на мой счет и расплатиться сразу после обеда.

Последнее нельзя даже назвать запасным планом – это провал.

Перепуганная, я уже начинаю готовиться к своему выходу, но блондин вдруг достает из кармана пропуск, такой же, как у меня, и просто показывает его кассирше. Та кивает и... все? Что за чудеса?

– Э-м-м, – парень и тут приходит мне на помощь, – вы работаете здесь?

С трудом отлепляю язык от неба и отвечаю «да».

– О, значит, бесплатно, – с улыбкой объявляет он. Кассирша что-то там фиксирует и желает мне приятного аппетита. Я в шоке и почему-то следую за парнем, хоть он меня и не приглашал.

⁵ Ник Картер – американский певец, участник группы Backstreet boys.

– Вот, можно здесь. – Он опускается на стул, я тоже.
– Кстати, я Джейсон Торн. – Он протягивает мне руку. Жму ее и представляюсь:
– Кэтрин Бэйли.
– Очень приятно. – Джейсон берет вилку и приступает к трапезе. На его подносе тоже нет супа. Отвожу взгляд и стараюсь сосредоточиться на своем блюде.
– Стало быть, трудимся в одной компании?
– Ага. – Я киваю.
– В каком отделе, если не секрет? – Он успевает есть и одновременно задавать вопросы, а я вряд ли теперь уложусь в полчаса.
– Отдел кадров. Я только помощница, не более.
– Первый день?
– Да.
– Понимаю, – он отпивает апельсинового сока, – а я менеджер по продажам.
– Ого, здорово! – с искренним восхищением восклицаю я.
– Не особо.
– Разве? Я вот все утро картотеку по буквам разбираю.
Джейсон смеется, я улыбаюсь и макаю курицу в соус.
– Как соус? Сойдет? – В его голубых глазах столько надежды, будто мы говорим о проблемах стран третьего мира, не меньше.
– Да, спасибо, кстати.
– Всегда рад.
К окончанию ланча я узнаю, что Джейсон живет в Бруклине, в компанию его взяли около года назад, а его работа – это чрезмерная суeta ради лишних бонусов.
На вопрос «Почему ты тогда здесь?» он пожимает плечами:
– Привык, и платят неплохо.
Торн выходит на двадцать третьем, а я этажом выше, где меня на удивление радужно встречает рыжая.

* * *

В аэропорт меня не взяли. У мамы поздний рейс, и к чему лишние слезы и сантименты? Мы попрощались дома. Я пообещала ей вести себя хорошо, слушаться Риз и не забивать себе голову разной ерундой. Она также сказала, чтоб я без стеснения распоряжалась ее кредиткой и ни в чем себе не отказывала. Зная мой характер, можно не беспокоиться – я не стану без надобности спускать деньги на ветер.

После просмотра «P.S. Я люблю тебя», переполненная грустью, решаю спуститься и перекусить. К счастью, Эддингтоны еще не вернулись, я пока стесняюсь хозяйничать в их присутствии.

На часах ровно полночь, а значит, и экономка уже видит десятый сон. На всякий случай переодеваюсь в футболку и шорты, а пижаму складываю на кресле.

Спускаюсь по широкой лестнице, по пути завязав волосы в хвост, и прикидываю, насколько я голодна. Настолько, что созрела до бутерброда с индейкой. С этими мыслями я ступаю через порог и замираю на месте.

На кухне на высоком стуле восседает Майк, интенсивно двигая челюстями. Хреново, но бежать некуда, он меня заметил.

– О, привет, – с набитым ртом бурчит он, роняя крошки с перепачканных губ.
М-да, не очень-то эстетично.

– Привет, – нерешительно подбираюсь к столу и смотрю на разложенные в хаотичном порядке закуски. С пластиковых контейнеров неаккуратно содрана пищевая пленка, а вокруг стакана с шипящей газировкой маленькие лужицы. Какое свинство...

– Присоединяйся. – Он делает жест в сторону свободных стульев, сосредоточенно сооружая неизвестно какой по счету сэндвич. Но я не хочу ни ветчины, ни сыра. Хочу индейки! Но его присутствие немного нервирует, я ведь настроилась на уединение. К тому же мы почти не знакомы, а общительность не мой конек. – Ну что, тебя приняли в компанию? – спрашивает он, избавив меня от необходимости искать тему для разговора.

– Да, спасибо...

– Нет проблем, – самодовольно отвечает Майкл, с аппетитом вгрызаясь в бутерброд, – ну и как, нравится?

– Э-э, да.

Мне тоже не мешало бы расшевелиться. Стою как дура. Быстро подхожу к шкафу, достаю чистый стакан и бреду к холодильнику.

– Мне бы не понравилось, – внезапно признается он, – да мне и не нравится.

– Почему? – выглядываю из-за раскрытой дверцы, Майк равнодушно пожимает плечами:

– Бизнес наводит на меня тоску.

Беру бутылку с соком и сажусь возле Эддингтона, пытаюсь отвинтить присосавшуюся к горлышку крышку, но безуспешно. Майкл смеется.

– Дай я... – Он прикладывает минимальные усилия, крышка легко отвинчивается и со звоном падает на стеклянный стол.

– Спасибо. – Наливаю себе напиток, а он доедает остатки сэндвича.

Раз уж мы так разоткровенничались, уместно будет поддержать беседу.

– А почему тогда ты не сменишь сферу деятельности? – спрашиваю я.

– Как будто у меня есть выбор! – фыркает он. – К тому же в двадцать пять поздновато идти в шоу-бизнес.

Никогда бы не подумала, что ему двадцать пять. Выглядит на все двадцать, как мальчишка.

Майкл отодвигает тарелку и скрещивает руки на затылке, покачиваясь взад-вперед на стуле. Вот шуму-то будет, если грохнется.

– А ты куда-нибудь поступаешь? – любопытствует он. Настала моя очередь исповедоваться.

– Вообще-то, меня приняли всего в один университет, в Мемфисе. Я не слишком разборчива. – Его губы кривятся в усмешке.

– У нас много общего. Через месяц в «Эддингтон групп» тебя вообще начнет тошнить от черно-белых костюмов, одинаковых рож и четкого распорядка дня.

Отвлекаюсь от вазы с фруктами и заглядываю в его голубые насмешливые глаза. Сколько сарказма!

– Или тебя уже? – хихикает парень.

Отрицательно мотаю головой.

– Ну, ты еще не всех видела. Они умеют пустить пыль в глаза.

Майк встает и тянет с подоконника пепельницу. Не знала, что он курит. Я вообще ничего о нем не знаю.

– Будешь?

– Нет, не курю. – Ненавижу сигареты.

Он плюхается на диван и чиркает зажигалкой.

– Кейн уже провел с тобой инструктаж по дресс-коду?

– Ой, да-а. – Без стеснения закатываю глаза, чем веселю своего вальяжно развалившегося собеседника.

– И как ты поступишь?

– Как-как... Сегодня уже щеголяла в костюме, блузке и туфлях.

– Серьезно?

Я киваю.

– Я бы на твоём месте нарушил правила. Так веселее.

Каков бунтарь! В глазах столько чертовщины... Ещё этот прищур...

– Я и так чувствую себя не в своей тарелке, а отличаться, да ещё и протестовать... нет. –
Смотрю на свои ногти.

– А я нарушаю, – смеется он, выпуская табачный дым носом. Откуда-то льется громкая пронзительная мелодия. Майк чересчур медленно выуживает сотовый из кармана и отвечает на звонок.

– Слушаю... ага... у предков... – он ловко перекачивает зажигалку между пальцами, – не может быть... – громкий смех, – я так и понял.

Неохота подслушивать, лучше со стола уберу. Господи, какой бедлам он устроил из обычного легкого ужина!

– Оставь, слуги уберут, – обращается он ко мне.

– Ерунда, мне не трудно. – Я отмахиваюсь.

Слуги, надо же. Испорченный, избалованный мальчик.

Но, может, если ты с детства живешь в роскоши, это нормально?

Майкл продолжает трепаться по телефону, а я ставлю в холодильник последнюю бутылку и смотрю на часы.

Час ночи. Пожалуй, пора отчаливать.

– Спокойной ночи, Майк. – Машу ему рукой, вдруг не расслышит. Майк улыбается и в ответном жесте скидывает пальцы вверх.

* * *

Вместо ланча меня отправили выполнять работу курьера, который внезапно заболел. Что я говорила? Скоро и до унитазов дойду. Селест тысячу раз извинилась и обвинила во всем проклятую Мэри Смит, будто мне от этого легче.

Воспользовавшись метро, я не прогадала. В Нью-Йорке невозможно быстро передвигаться на наземном транспорте, а мне сказали «срочно». Я развезла пару-тройку папок и получила взамен какой-то желтый пакет. На нем не написано кому, только название нашей компании.

Погода не на шутку разыгралась, слишком жарко для мая. Чертова униформа так некстати!

Пробираясь к офису мисс Смит, запоздало вспоминаю о правилах и надеваю пиджак.

Наверняка помялся.

– Кэтрин, наконец-то. Ты принесла? – с ходу налетает на меня рыжая. Сегодня ее волнистая копна заплетена в толстую косичку. – Эту папку отнеси Кейну.

Что?! Вот же издевательство!

– На улице плюс сорок, не меньше... – пытаюсь намекнуть, что я уже «очень-не-в-форме».

– Я бы и сама... – она косится на дверь нашей страшной во всех смыслах начальницы и переходит на шепот, – но она приказала сидеть тут. Даже с ланча сорвала.

– А в чем дело-то? – Я раздражаюсь.

– Черт знает, – девчонка поджимает губы, – как всегда.

Ладно, так и быть. Молча выхватываю у нее папку, выхожу из кабинета и слышу вслед виноватое «спасибо».

За пять секунд в лифте с трудом успеваю оценить ущерб: волосы в разные стороны, пиджак жеваный, на лице нездоровый румянец, рубашка далеко не свежая. Надеюсь, я хоть не воняю? Поднимаю руку и принимаюсь. Вроде антиперспирант. Ладно, пофиг.

Выхожу на двадцать пятом. Издали вижу, как Майк трется возле секретарского места. На нем светлые джинсы и голубая рубашка навыпуск. Бунтарь, чтоб его!

Уверенной походкой шагаю к растаявшей, как мармелад на солнце, секретарше. Они откровенно флиртуют друг с другом, а ведь он ее начальник...

Это противоречит абсолютно всем правилам, похлеще дресс-кода.

– Добрый день, – обращаюсь к обоим.

– Здравствуйте, мисс Бэйли. – Секретарша распрямляет плечи. Не знаю, как ее зовут. Майкл молчит и глупо улыбается, уставившись на меня в упор. У него явно что-то на уме.

– Здесь пакет для мистера Кейна. Сказали, срочно.

– Да, конечно, – она начинает суетиться, – я передам...

– О нет, – встречает вдруг Майк, и мы обе вопросительно моргаем. – Нельзя допустить, чтоб бумаги потерялись, как в прошлый раз.

Смотрю на девушку, она сидит с раскрытым ртом и не издает ни звука, а у Майкла лукавая рожа.

И что мне делать? Жду инструкций, подозревая какой-то подвох.

– Сама отнеси ему, – твердо произносит Эддингтон и вручает мне злосчастный пакет, от которого я уже порядком устала.

– Да-да, неси, – для убедительности повторяет Майк, кашлянув в кулак.

Я настолько обескуражена, что забываю постучать. Со всей силы тяну на себя ручку и неуклюже вваливаюсь в кабинет. За спиной с грохотом захлопывается дверь, и на меня вопросительно смотрят две пары глаз.

Две пары глаз???

Кейн стоит склонившись над ноутбуком, а за его столом с беспристрастным выражением лица сидит неизвестный мне молодой мужчина. В черном костюме и кипельно-белой рубашке с распахнутым воротом.

– Вы кто? – разрывая угрожающую тишину, ровным стальным голосом спрашивает незнакомец.

Хочу сказать «человек», но вовремя прикусываю язык. Перевожу взгляд на Кейна, тот молчит, будто впервые меня видит.

– Я... э-э-э... мистер Кейн...

– Как *его* зовут, я в курсе. Я спрашиваю про вас, – раздраженно повторяет неизвестный, очевидно, теряя терпение.

Прекрасно! Мне так стыдно и страшно, что я вот-вот рухну замертво!

– Кэтрин Бэйли, – лепечу я понуро. Он шумно вздыхает, якобы этого недостаточно. Продолжаю: – Вот... мистер Кейн, вам пр...

– Что? Я не слышу.

Боже, какой неприятный тип!

– Мисс Бэйли, – отзывается, наконец, Кейн, – давайте папку сюда. – Он подзывает меня рукой, но не тут-то было.

– погоди, Брюс. – «Тип» вскидывает палец вверх, призывая лысого заткнуться, а меня – остановиться на полпути. Парадом здесь командует он, это ясно.

Застываю в нерешительности и вслушиваюсь в бешенный ритм своего сердца.

– Значит, мисс Бэйли. – Он смотрит на меня оценивающе.

– Я же сказала...

– Что именно?

– Свою фамилию. – Крепко прижимаю к себе папку, исподтишка поглядывая на него. У него темно-русые коротко стриженные волосы, аккуратно зачесанные набок, и выразительные карие глаза. Настолько выразительные, что наверняка способны одним взглядом передвигать предметы с места на место. Фак...⁶

Набираю полные легкие воздуха, это не так-то просто.

– По-моему, это было похоже на бубнеж, – заканчивает он, весело покачиваясь в кресле, затем подносит шариковую ручку к плотно сжатым губам.

Да он хам! Открываю рот, хочу объясниться, но он опережает меня:

– И с чего вы взяли, что можно без позволения вламываться в кабинет к начальству?

Вот так заявление! Как будто я их за сексом застала! Я в ступоре. Зачем так отчитывать? Мой страх моментально перетекает в ярость, я злюсь, очень злюсь и краснею, как помидор.

– Я забыла. Меня просили передать документы, не более, – дрожащим голосом говорю я.

Кейн проводит ладонью по своей лысой башке. Кажется, он не разделяет позицию психа за своим столом.

А псих тем временем откидывается на спинку кресла и складывает руки на груди. Думаю, ему доставляет удовольствие издеваться над низшими существами вроде меня. Богатая гадкая скотина!

– Вы работаете здесь?

Удостаиваю его слабым кивком.

– Как давно?

– Второй день.

– В каком отделе?

Допрос с пристрастием. Стараюсь достойно выдержать натиск.

– В отделе кадров.

Он хмыкает.

– Там тоже так одеваются? – иронично произносит он, скользнув по мне придиричивым взглядом. Не понимаю, на что он намекает. Сам в похожем прикиде. Кошусь на Кейна, тот хихикает в кулак. Хм, и ты, Брут?⁷

– Мистер Кейн сказал, что да, – бурчу я, сдерживаясь из последних сил.

– Что сказал?

Он что, тупой?

– Одеваются так, – терпеливо поясняю я. Кейн уже трясется от беззвучного смеха, а кареглазый спокоен, как удав. Он либо хорошо владеет собой, либо ему, как и мне, не весело.

Большого унижения я еще не испытывала. Слезы подступают к глазам, стараюсь не расплакаться.

– Выходит, дресс-код для вас играет большую роль, чем элементарное воспитание?

И он говорит мне о воспитании? Да такого грубияна я в жизни не встречала!

Делаю глубокий вдох.

«Только бы не сорваться».

– Ладно, прекращай... – вклинивается вдруг Брюс, но тип игнорирует его.

– Я просто забыла постучать. – Если он ждет извинений, то черта с два! Мне не за что просить прощения. Вернее, я бы извинилась, если бы не его грубость.

Выждав мучительную паузу, грубиян кивает Брюсу, и тот с улыбкой обращается ко мне:

– Давайте ее сюда, Кэтрин, – отдаю ему папку, – спасибо, можете идти.

⁶ **Фак** – от английского матерного слова Fuck.

⁷ **И ты, Брут?** – Из трагедии «Юлий Цезарь» (действ. 3, явл. 1) Уильяма Шекспира (1564–1616). Эти слова произносит Цезарь, увидев среди напавших на него убийц заговорщиков своего воспитанника Брута.

Тупой робот. Раньше додуматься не мог?! Ах, он ждал разрешения от этого чокнутого! Подлиза!

Я ухожу. Быстро и без оглядки.

– Впредь не забывайтесь, – бросает мне в спину тиран, но я не оборачиваюсь и уже из холла слышу приглушенные фразы: «Невоспитанная». – «И что ты к ней пристал?» – «Потому что дура».

Дура?!

Не глядя прохожусь мимо секретарши. Уверена, она все слышала. Заворачиваю за угол и кидаюсь к лифту. Жму на кнопку, к счастью, ждать не приходится.

«Спокойно, Кэт, спокойно», – уговариваю я себя, забираясь в кабину.

– И как тебе мой братец? – ехидничает расхаживающий по холлу Майк, но я не хочу его видеть. Это он во всем виноват, нарочно впихнул меня туда. Нажимаю на цифру 1 и обнимаю себя руками. Значит, вот ты какой, Босс...

* * *

Первой реакцией было побежать к тете и наобедничать на ее старшего сына, а заодно и про младшего упомянуть. Не понимаю, почему ко мне так отнеслись?

Стоя возле здания, я по привычке жалела себя. Меня еще никогда не тянуло домой так, как сейчас. Нью-Йорк слишком жестокий, надменный и чужой. Как и люди в нем. Как и все люди в мире.

Брожу туда-сюда, чтобы успокоиться, но слезы текут рекой, привлекая внимание прохожих. Нужно убираться отсюда.

– Эй, отдел кадров! – меня нагоняет Джейсон – блондин, с которым я вчера обедала. – Привет! – Его голос весело звенит.

Поднимаю голову, и он мгновенно хмурится.

– Что-то случилось?

– Нет... – Пытаюсь незаметно вытереть щеки, но не получается.

– Эй, ты чего? Идем. – Джейсон кладет руку мне на плечо и уводит меня подальше от посторонних глаз.

– Эддингтон странный, – говорит блондин, когда мы медленно бредем по Таймс-Сквер.

– Который из?

– Оба, – отзывается он, – но Роберт хуже.

– Я так и не поняла, зачем он ко мне прицепился.

– Говорят, у него дерьмовый характер.

– Это повод? И с чего этот Кейн слушается его, как собачка? – по-прежнему недоумеваю я.

– Деньги.

У меня окончательно пропадает аппетит, и Торн, будто прочитав мои мысли, косится на нетронутый бургер у меня в руке.

– Поешь. Настроение улучшится, – по-доброму улыбается он.

Нехотя следуя его совету и откусываю кусочек. Слишком вкусно для фаст-фуда. Ну, или для человека, который с утра ничего не ел.

– Значит, это все его? – продолжаю я.

– Компания? Да.

– А Майкл?

– Тот еще клоун, – фыркает Джейсон, – ни одной юбки не пропускает, бродит по зданию то в трениках, то в шортах.

– Ну, ему можно...

– В том-то и дело, что нельзя. Они постоянно цапаются.

Я задумчиво жую буррито и представляю себе эту картину. Становится смешно, и я глупо хихикаю.

– Но ты не уходи, – внезапно просит Джейсон, – если, конечно, тебе интересно мое мнение.

– После такого унижения? Нет, увольте!

– Брось, ты же сама сказала, что его мать твоя тетка.

– Не родная. – К счастью, с этим чудовищем нас не связывают кровные узы.

– Без разницы. Он вообще в курсе, кто ты?

– Это его компания, и без его разрешения меня бы не приняли.

– Майкл мог.

Дальше мы идем молча. Мне вспоминается первый ужин у Эддингтонов. Да, тетя обратилась к Майклу, но ведь он должен был спросить у Роберта. Но теперь, когда выяснилось, что отношения братьев далеки от идеала, все встает на свои места. Роберт наверняка не знает, кто я. Но этот вывод не приносит утешения. Мне все равно обидно, и я хочу домой.

– Мне здесь не место, – образ неприятного босса неожиданно всплывает в моем подсознании, – ты бы видел его лицо!

– Видел, и не раз. – Мы останавливаемся. – Кстати, к твоему сведению, все женщины от него без ума.

Делаю большие глаза. «Да, конечно!»

– Серьезно, – подтверждает Джейсон.

– Значит, я исключение.

– Выходит, что так, – он улыбается, – идем дальше?

– Э-э, может, потихоньку потопаем назад?

– Хм, как скажешь, – соглашается он, и мы движемся в обратную сторону, – отпустило?

– Я только заберу сумку, а после попробую объясниться с тетей...

– А что потом?

– Домой, в Мемфис, – безапелляционно произношу я.

– И часто ты убегаешь от трудностей? – раздраженно выплевывает Джейсон. Я непонимающе изучаю его профиль. Он поворачивает голову, в небесно-голубых глазах осуждение.

– Только тогда, когда не вижу смысла устраивать борьбу. Я здесь всего на пару месяцев.

– Так проводи их с пользой! – Он повышает тон. Я отворачиваюсь, бездумно изучая большие цветные вывески и щиты. Похоже, вся площадь ими увешана. – Кэтрин, всегда найдется какой-нибудь Роберт, который испортит тебе день. Ты не можешь прятаться ото всех только потому, что тебе обидно. Это глупо.

– Тебе легко говорить, – под нос бурчу я.

Торн резко останавливается прямо под рекламой фильма «Мрачные тени».

«Блин, надо бы пойти», – некстати думаю я.

– Ты-то откуда знаешь, что легко, а что нет? – Похоже, он сердится.

– Мне и так хватило страданий, чтоб еще попусту нервы тратить.

– Что такого ужасного случилось в Мемфисе, если не секрет?

Придется объяснять, я вздыхаю.

– Мои родители развелись. Отец ушел от нас к молодой девке, – заключаю я, ожидая чего угодно, но только не снисходительной улыбки от какого-то блондина с приторной внешностью. Ну нет, больше я терпеть не намерена!

Обиженно порываюсь вперед почти так же быстро, как в кабинете у Кейна.

– Подожди, стоп. – Он не отстает.

Я прибавляю шаг, подавляя в себе очередной приступ истерики.

– Кэтрин, ты не понимаешь, в жизни случаются куда более ужасные вещи, чем развод родителей.

– Какие, например? Дурацкая стрижка или в кафетерии закончился соус?!

Он хватает меня за руку и удерживает на месте.

– Полтора года назад у меня умерла мать.

Что? Я сглатываю.

– А отец крепко запил. Как-то раз он так набрался, что заснул с сигаретой во рту...

– Господи, он?..

– Нет. Если бы не соседи, он бы сторел. Но меня не было там. Вместо того чтобы поддержать его, я жалел себя. В барах, клубах, в компании разных девушек...

Опускаю ресницы, пряча глаза. Внутри разрастается это проклятое чувство, которое появляется, когда делаешь ошибочные выводы о ком-то или о чем-то. И стыд. Море стыда.

– Вот почему я улыбнулся, когда ты сказала про развод родителей.

– Прости, я не думала, что...

– Ничего, – с сожалением произносит он, – идем. Я тогда только окончил колледж, – продолжает Джейсон, – и тоже многого не понимал. После этого я переехал в Нью-Йорк.

Мне и в голову не приходило, что он не местный.

– А откуда ты?

– Из Миннесоты.

По пути Джейсон рассказывает мне отрывки из своей прежней жизни. Погрузившись в чужие проблемы, я на время забываю о своих. Терять близких страшно. Даже не хочу представлять, насколько. При первой встрече Джейсон показался мне легкомысленным, беззаботным парнем. Никогда бы не подумала, что он пережил такое горе. Значит ли это, что внешность обманчива? Что не все позитивные люди беззаботны, и не все угрюмые – озабоченны? Каждый из нас скрывает в себе какую-то тайну, но не каждый хочет делиться ею.

Не знаю, сколько времени мы потратили на прогулку и что будет Торну, когда он вернется на двадцать третий этаж. Не хочу, чтобы из-за меня ему влетело, с него и так хватит.

– Просто подумай о нашем разговоре, – просит он на прощание, и мы расходимся в разные стороны.

Глава 3. Самостоятельность

Моя первая суббота и шестой день в Нью-Йорке.

Всю ночь лил дождь, а я совсем не выспалась. Так и не наябедничав тете, я решила окончательно разобраться в себе до понедельника. К утру эмоции поутихли, буря превратилась в штиль, и, в конце концов, Мемфис никуда не убежит.

Зеваю и смотрю на часы: половина одиннадцатого. В голове выстраивается привычный список: что надеть, в каком настроении выйти к родственникам, никому не мешать, и так далее. Не каникулы, а жесткий график.

Вот еще одна проблема, требующая решения, – не хочу гостить в чужом доме. Если уж мне суждено остаться, то нужно подыскать себе отдельное жилье. Отсюда вытекает следующий вопрос: как это сделать?

Выбираюсь из постели и ежусь от холода. Занавеска из бледно-лиловой органзы колыхается от ветра, а по комнате гуляет влажный после дождя, насыщенный озоном воздух. Закрываю окно, прохожу мимо зеркала и ужасаюсь. Ну и видок!

От недосыпа глаза навекате и темные круги, будто я вчера побывала в драке. Не хочу смотреть на это страшилище и понуро шлепаю в ванную.

* * *

После бодрящего душа я облачаюсь в светлые джинсы, белую трикотажную майку и синюю клетчатую рубашку, а из обуви выбираю простые кеды.

На голове, естественно, бардак. Я всегда просыпаюсь как пудель, наверное, из-за структуры волос, ну и еще потому, что люблю спать с хвостиком. На днях в ящике трюмо набрела на выпрямитель, но хрен знает, как он работает. Еще сожгу что-нибудь ненароком. Можно, конечно, повторно вымыть голову, но мне лень.

«Монте с ума бы сошел», – думаю я, выходя из спальни.

– Доброе утро, мисс Бэйли! – приветствует меня Анетт, когда я неторопливо спускаюсь по ступенькам.

– Доброе утро! – Мы обмениваемся взаимными улыбками, и служанка энергично сбегает вниз. Как ей удастся передвигаться с такой скоростью, будучи толстенькой и не очень молодой, загадка.

Мне нравится Анетт, она всегда в хорошем настроении, чего нельзя сказать обо мне. Особенно с такой кривой от недосыпа рожей.

Преодолев расстояние между вторым и первым этажом, притормаживаю у гостиной, откуда доносится приглушенный голос тети. С кем она там? С дядей? Лучше бы с ним, поскольку мой нынешний облик не располагает к новым знакомствам.

Встав у наличника, я вся обращаюсь в слух, но из-за спины вдруг возникает Анетт и портит мне всю малину.

– Миссис Эддингтон! Прошу прощения, вас к телефону! – произносит она звонким сопрано, и голоса сменяются на размеренный стук каблуков.

Незамеченной мне теперь точно не остаться, поэтому я выглядываю из-за стены и показываюсь тете. Она вся сияет.

– Это с фабрики, – шепчет служанка. С фабрики?

– Спасибо, – благодарит ее Риз и обращается уже ко мне: – Доброе утро, милая!

– Доброе. – Тяну губы вверх и, сгорая от любопытства, заглядываю тете через плечо.

Мать вашу за ногу!

Если раньше конец света казался мне чем-то маловероятным, то сейчас он действительно наступил.

Уголки моего рта выравниваются, а ноги вырастают в пол, потому как в центре комнаты на светлом велюровом диване в стиле восемнадцатого века восседает мой злейший враг и по совместительству шеф.

– Кэти, ты еще не виделась с Робертом?

Угу, как же!..

– Кажется, встречались, – низким глубоким тембром отвечает он за меня.

– Мельком, – добавляю я, не желая втягивать Риз в наши баталии.

– Прекрасно, тогда я отвечу на звонок, а после отвезу тебя позавтракать, хорошо?

– Хорошо, – взволнованная присутствием этого говнюка, бормочу я.

Тетя уходит, и мы остаемся вдвоем. Ну и что теперь делать? Я не хочу оставаться наедине с этим типом! Может, смыться под каким-нибудь предлогом? Не вариант. Он решит, что я трусила.

Собираюсь с духом и под испытующим взглядом врага пересекаю гостиную. По телу пробегает дрожь, не понимаю, что со мной. Подумаешь, надменный хам! И что он может мне сделать? Тетя ведь поблизости.

Запоздало вспоминаю про свою идиотскую прическу – про этот нелепый рог, сооруженный от собственной лени, и впадаю в панику.

О Иисус!

Разумеется, мне плевать на его мнение, однако дважды становиться душой не хочется. В голове мелькает мысль немедленно исправить положение, например, распустив пучок, но слишком поздно. Я в его поле зрения, кажется, он даже не моргает. Теперь я отчетливо вижу, во что он одет. На нем черные джинсы, темная футболка и коричневая кожаная куртка.

Дерзкий сукин сын!

Еще бы волосы подлиннее, и вылитый Джеймс Дин⁸. Интересно, сколько ему лет? Занятая этой мыслью, дохожу, наконец, до дивана и под натиском карих глаз выбираю себе кресло.

– Я бы хотел извиниться за вчерашнее, – тянет он лениво, когда я сажусь.

Да неужели?

– Вообще-то, – продолжает он, – я никогда не иду на попятную, особенно если я прав, но...

Прав? Моментально багровею, не в силах скрыть свое негодование. Прав?! Вот нахал!

– Прав в своем замечании, но не в подаче, – проследив за моей реакцией, с усмешкой поясняет он.

Нет, это невероятно!

– Как хотите, – сквозь зубы цежу я, любясь шестигранной вазой на журнальном столике.

– Начнем с того, что я понятия не имел, кто ты и откуда взялась. – Боковым зрением вижу, как он подается вперед и кладет локти на колени. У меня сбивается дыхание, сама не знаю почему. Может, потому что он резко перешел на «ты»?

Как бы то ни было, притворяюсь безразличной и с напускным спокойствием ехидничаю:

– Странно, это же ваша компания...

Он хмыкает.

– Вот именно, и меня не поставили в известность. Не люблю такие фокусы, – сварливо проговаривает Эддингтон. По-моему, он меня подначивает, а я с легкостью съедаю наживку и не выдерживаю.

– Хороший способ извиняться. – Вкладываю в тон все свое презрение и, устав от созерцания вазы, перескакиваю на его руки.

⁸ Джеймс Дин – американский актер.

– Хороший и действенный, – иронично заключает он.

Его локти по-прежнему на коленях, а кисти со сцепленными пальцами висят в воздухе. На тыльной стороне ладоней темные волоски, прорастающие вдоль запястья и прячущиеся под плотными рукавами куртки.

«Мужественно», – подмечаю я.

Внезапно его пальцы разъединяются, я испуганно отвожу глаза, и меня пробивает на дерзость:

– Знаете, вы раздули из мухи слона. Если бы вы не набросились на меня с упреками, я бы объяснила, почему так вышло.

– Что именно? – На его губах мелькает улыбка. – Твое вторжение к Кейну или в мою компанию?

– И то и другое, – бормочу я чуть тише.

– Объясни сейчас, – спокойно предлагает он.

Я вздыхаю. Господи, ну что мы обсуждаем вторую встречу подряд?! Хорошо, раз он такой принципиальный...

– С Кейном вышло случайно. Я должна была оставить папку у секретарши, но ваш брат неудачно пошутил.

Эддингтон кивает, по-видимому, поверив моему признанию.

– Да, Майк злобный малый. К счастью, мы разные.

Разные? Я издаю нервный смешок, отчего его брови удивленно ползут вверх. Черт, не стоило...

– Считаешь, что я хуже? – беззлобно дразнится он.

Да, раз в двести!

– Я вас даже не знаю, – бросаю я сухо, – и мне все равно.

Мне не все равно, он меня бесит до скрежета в зубах.

– Не сомневаюсь, – с сомнением проговаривает он, и я немедленно перехожу ко второму пункту:

– А касаясь работы... это была не моя идея. Тетя настояла. И в том, что вас не уведомили, нет моей вины. Я непременно уволюсь, если это противоречит вашему регламенту.

– Противоречит, но так и быть – сделаю исключение, – великодушно, будто делая превеликое одолжение, отвечает он.

В гостиной воцаряется тишина, а у меня внутри бурлит раскаленная лава. Что он за человек, и почему у меня такое ощущение, что он постоянно меня унижает?

Воспользовавшись моментом, я поднимаюсь с кресла. Эддингтон по-прежнему расслаблен и таращится на меня с усмешкой.

Надоело. Обогнув кресло, я стремительно шагаю к выходу, даже не попрощавшись. Я ведь невежда! Нужно поддерживать имидж.

– В понедельник не забудь надеть костюм, – бросает он мне вслед. – Черный, с белой блузкой.

Каков ублюдок, а! Оглядываюсь и ловлю его смеющимся.

– Можно узнать, что вас так забавляет?

– Ничего, – говорит он невозмутимо, и его взгляд застывает на моем... рогалике???

Я тут же заливаюсь краской. От кончиков своих дурацких волос до пят. Если бы моя прическа могла, она бы тоже смутилась.

– Вот и все, – еще чуть-чуть, и мы с Риз столкнулись бы лбами, – куда ты, дорогая?

– Эм-м-м, расчешусь, – боже, что я несу? – и за сумочкой, можно?

Тетя удивленно моргает.

– Конечно, Кэти...

– Спасибо. – Вали отсюда, быстро. – До свидания!

На лестнице я со злостью сдираю резинку и пряди крупными волнами рассыпаются по плечам. Когда я поднимаюсь в спальню и начинаю собираться, диалог с Эддингтоном самопроизвольно проигрывается у меня в голове, и я нахожу миллион допущенных мною помарок.

Дура-дура-дура!

Ни с того ни с сего в памяти всплывает фраза Джейсона «все женщины от него без ума».

С остервенением расправляясь со своей многострадальной прической, я стыдливо признаю, что этот козел действительно привлекательный.

* * *

В тот день я больше не виделась с Робертом. Он ушел раньше, чем я успела собраться.

Все выходные прошли под эгидой Риз Эддингтон. Я наконец-то узнала, чем занимается эта прелестная женщина. Оказывается, у нее два модных бутика, один на Мэдисон-авеню, второй на Бродвее. Не трудно было догадаться, учитывая ее отменный вкус и чувство стиля.

К вечеру воскресенья я твердо решила остаться. Остаться, но с небольшими изменениями.

– Я собираюсь съехать от тети, но пока не знаю как, – сообщаю я Джейсону, без аппетита ковыряющемуся в лазанье.

Понедельник – день тяжелый, и мистер Торн, похоже, не в форме. Совсем не в форме. В его голубых глазах неровными ниточками переплетаются красные полосы. У меня они появляются от долгой работы за компом.

– Легко. Собираешь чемодан и вжи-и-и-к. – Он вымученно смеется.

– Я серьезно. Это не так просто, как кажется.

– Почему?

Начинаю перечислять:

– Во-первых, она обидится, а во-вторых, чем платить за жилье?

– Ты же работаешь, и тебе положена зарплата. – Джейсон перестает мучить лазанью и, не услышав от меня положительного ответа, спрашивает: – Или нет?

С лицом круглой дуры бормочу:

– Я... не знаю.

– Ну как же? В бухгалтерии не сказали?

В бухгалтерии?

– Пф-ф, я там не была...

Торн устало чешет лоб, размышления даются ему с трудом. Ну точно зажигал прошлой ночью.

– Значит, тебе будут платить не по уставу... – выдает он задумчиво.

– В смысле?

– Вероятно, Эддингтоны не хотят светить твою зарплату.

– Почему? – Я очень некомпетентна.

Джейсон закатывает глаза.

– Ты их родственница, без диплома. Ты даже не студентка, а уже работаешь в именитой компании. Зачем кому-то знать, сколько ты получаешь? Здесь и так полно всяких... – он подбирает слово, – недовольных.

– Разве это законно – не оформлять сотрудников?

Парень пожимает плечами.

– Если беспокоишься, спроси у Кейна. Или у босса.

– Нет, только не у этого... – закипаю я вдруг.

– Что, по-прежнему обижена на него? – Джейсон с любопытством следит за моими эмоциями, я не имею права покраснеть.

– Нет, просто бесит, и я не хочу унижаться, – запихиваю в рот остатки салата и едва не давлюсь.

– Осторожнее, – обеспокоенно говорит он.

Кое-как запив все соком, меняю тему:

– Где ты был прошлой ночью? Колись.

Он хмурится, якобы не понимает.

– У тебя глаза уставшие и вид какой-то... разобранный, – поясняю я.

Он цокает языком и ерзает, явно занервничав.

– Фильмы смотрел, за компом сидел... наверное, поэтому, – оправдывается он.

– Ясно.

Смекнув, что я лезу не в свое дело и парню некомфортно, делаю вид, что поверила. Фильмы так фильмы.

После обеда я добросовестно помогаю Селест. Слава небесам, от извоза посылок меня освободили, нашли другого дурака. Мало-помалу рыжеволосая мисс Гранди рассказывает мне о себе. Ей двадцать четыре, в ED Group работает около двух лет, устроилась сразу после колледжа, и у нее есть парень по имени Тайлер.

Мне, как новичку, пока не доверяют кровавых тайн, но по каплям информация просачивается.

Тайна номер один: наша начальница Мэри Смит – старая дева. Тайна номер два: Аманда Мур крутит роман с одним из сотрудников. С кем именно, Селест не уточнила. Не бизнес, а мексиканский сериал!

Ближе к вечеру мои терзания на тему зарплаты (или ее отсутствия) возобновляются.

Постеснявшись подняться к Кейну, я решаюсь написать ему е-мэйл. Лаконично изложив суть проблемы, нажимаю «Отправить», не забыв в конце приписать:

Очень прошу не сообщать о данном письме мистеру Эддингтону, это неудобно.

Ответ приходит почти сразу:

Мисс Бэйли,

официально вы не входите в штат сотрудников «Эддингтон Девелопмент Групп», но не сомневайтесь, зарплату вы будете получать согласно уставу. Убедительная просьба не общаться на эту тему ни с кем из сослуживцев, а за деньгами приходить лично ко мне. Завтра за первой частью, за второй 31-го мая.

С уважением, Брюс Кейн, директор департамента по связям с общественностью.

P. S. Не беспокойтесь о сумме;)

* * *

Ровно в шесть мисс «старая дева» Смит выпускает нас на свободу. Впервые мы с Селест уходим вместе, и мне нравится это ощущение сплоченности, которого я была лишена за неимением подруг. Это здорово и ново для меня.

– Знаешь, меня порой угнетает прислуживать ей. Не для того я четыре года изучала журналистику, чтобы подносить кофе какой-то неблагодарной суке. – Нелестный эпитет в адрес гадины вызывает во мне улыбку.

– Почему не уволишься? – интересуюсь я. Селест кривит губы.

– Я обошла кучу издательств, в одних нулевая зарплата, в другие не приняли. А мне нужно помогать брату. – Я округляю глаза. Брату? – Он мечтает поступить в медицинский, – продолжает девушка, – планирует стать врачом, а это дорого. У родителей финансовый кризис, но они делают все от них зависящее...

– Понимаю, – сконфуженно бормочу я, втайне восхищаясь ее самоотдачей. Помогать близким очень благородно, и здесь мне нечем похвастаться.

– Я на метро, а ты? – спрашивает она у дверей.

– Э-э, за мной заедут, – стыдливо опускаю ресницы, боясь показаться пафосной. Ох уж эта Риз с ее богатыми причудами!

– А-а-а, тогда до завтра!

– Угу, пока!

Водитель опаздывает, а я, слоняясь до перекрестка и обратно, убеждаю маму в необходимости отдельной квартиры.

– Мам, мне некомфортно. И вовсе не потому что меня обижают, понимаешь?

– Да, но...

– Мам, поговори с тетей, – настаиваю я, уловив слабинку в ее голосе, – только, пожалуйста, скажи, что я очень-очень признательна ей за все, просто хочу самостоятельности.

– Хорошо, Кэти, я скажу, но...

Никаких но!

– И я буду получать зарплату, так что не думай о тратах...

– Что? Доченька, прекрати! – возмущается мама. – Какие затраты? Это твои каникулы, и ни о каких заработках на жилье не может быть и речи!

Ну как с этим можно бороться? Поднимаю руки к небу.

– Ладно, – временно соглашаюсь я, – ты поговоришь с ней?

– Поговорю завтра. Но ты же знаешь Ризи, она не уступит без боя.

– Знаю, поэтому ты должна быть убедительной.

– Эй, кузина!

Вздрагиваю и верчу шеей. Из окна припаркованной у тротуара машины выглядывает довольный до чертиков Майк.

Пижон.

Я быстро прощаюсь с мамой и убираю трубку в карман.

– Беседы с мамочкой?

– Не язви, – дерзко отчеканиваю я. Майк смеется. Похоже, он не из обидчивых.

– Садись, мне доверили отвезти тебя домой.

Отлично! Что еще придумает Риз?

Умирая от желания ляпнуть какую-нибудь гадость, я осторожно забираюсь в синий спортивный автомобиль. Обалдеть, какая низкая посадка! Закрываю дверцу и пристегиваюсь. Машина резво стартует, обгоняя несколько медлительных седанов.

Вау!

Из колонок доносятся электронные звуки, заглушающие рев мотора, я механически кошусь на магнитолу.

– *Depeche mode*⁹, – говорит Майк, плавно вращая рулем, – знаешь их?

– Разумеется, знаю, – придаю себе оскорбленный вид. Он что, считает меня деревенщиной?

– И как? Нравятся?

– Да, неплохо.

⁹ *Depeche mode* – британская группа.

– Неплохо! – фыркает он, будто я сболтнула несусветную чушь, и мы проскакиваем на желтый свет. – Все еще блюдешь дресс-код? – Он на секунду отрывается от дороги и окидывает меня взглядом. Смотрю на свой пиджак и вздыхаю.

– Пытаюсь.

– Я бы послал их к черту и оделся по своему вкусу.

На что он постоянно меня уговаривает?

– Не вижу смысла бунтовать по пустякам.

– По пустякам? – фыркает Майк. – Сперва ты носишь, что тебе говорят, потом живешь, как тебе приказывают. Они подавляют твою волю, Кэтрин.

Я гляжу на него как на сумасшедшего. Подавляют волю? По-моему, он преувеличивает. И вообще, кого он имеет в виду? Своего психованного братца? Если да, то охотно верю. Этот способен подавить кого угодно. Майк бросает на меня беглый взгляд, и машину резко ведет влево. Когда мы шустро влетаем в поворот, минуя громадный столб, я в ужасе вжимаюсь в сиденье. Еще полметра, и не только моя воля, но я вся была бы подавлена, раздавлена или смята, как банан в блендере.

– Не бойся, я профи, – самодовольно заявляет парень, улыбаясь во весь рот.

Цокнув языком, я мельком осматриваю салон. Повсюду светлая кожа и сотня всевозможных кнопочек. Думаю, это удовольствие стоит не меньше ста штук, а то и больше. Бессмыслица какая.

– Спортивная тачка в Нью-Йорке... не очень-то разумно в вечных пробках, – изрекаю я уместное замечание.

– Дело не в практичности, а в стиле жизни, – с усмешкой отвечает он, и это звучит так показушно, что я отворачиваюсь к окну.

– Приехали. Верхний Ист-Сайд, мэм!

Отстегиваюсь, густо покраснев.

– Не «мэм», а желе среди крем-брюле, – мычу я на выходе, почуяв двусмысленность его фразы.

– Что? – переспрашивает Майк, выглядывая из машины. – Почему? – Его глаза смеются.

– Потому. – Я пригибаюсь, чтобы лучше его видеть.

Даже для моего роста машина слишком низкая.

– Ист-Сайд, девелопмент, полторы тысячи долларов в «Гудмане»... Я не вписываюсь в вашу систему, Майк.

Склонив голову набок, Майк многозначительно хмыкает.

– Дай себе время, Кэт, – произносит он так, словно знает меня лучше, чем я сама.

Я хлопаю дверцей, и автомобиль трогается с места. Только сейчас замечаю, что это «Порше». Дорогостоящая, пижонская игрушка для испорченных маленьких мальчиков.

«Дай себе время». Будто это что-то изменит...

* * *

Дождавшись полудня, я, недовольная собственным поведением, иду к Брюсу. Господи, я практически выклянчила у него зарплату! Представляю, что он подумал, получив то идиотское письмо, написанное не от большого ума. А все мое нетерпение! И как дальше жить? Если до Риз дойдет, что я интересовалась денежным вопросом, она наверняка сочтет это за наглость недалекой нищевродки, возмнившей себя Ист-Сайдской царицей!

– Добрый день, мисс Бэйли! – пищит секретарша со своего места.

– Здравствуйте... э... – Черт, до сих пор не знаю ее имени.

– Элисон, Элисон Дарлинг, – участливо представляется девушка, сияя, как стразы Сваровски.

Боже мой.

– Да... точно... – бормочу я сконфуженно. – Я к мистеру Кейну, он просил зайти, можно?

– Конечно, у него никого нет.

Приготовившись, как перед заплывом, стучусь в дверь. С той стороны слышится «войдите», я просовываю голову в проем.

– А, Кэтрин. Проходите, присаживайтесь. – Он сидит за ноутбуком и что-то печатает.

– Здравствуйте, – скромно здороваюсь я, предпочитая стоять. Брюс выдвигает ящик и жестом подзывает меня к себе.

– Вот, здесь первая часть, в конце мая получите остальное. – Он вручает мне белый, идеально ровный конверт.

– Спасибо... – Боже, как неловко.

– Как вы? Все хорошо?

– Да, все в порядке, мистер Кейн.

– Ну и славненько. – Брюс награждает меня теплой улыбкой и отвлекается на монитор. Думаю, мне пора выметаться отсюда, не хочу ему мешать.

– Я пойду... и спасибо еще раз.

– Пожалуйста, Кэтрин.

На полпути к холлу я вдруг вспоминаю про одну очень важную деталь: «мистер-матьего-Эддингтон».

– Эм... извините, мистер Кейн...

Он поднимает глаза, весь внимание.

– Насчет моей просьбы в письме...

Он непонимающе хмурится.

– В письме?

Я мигаю.

– Во вчерашнем...

Так, в чем дело? У него склероз, или я чего-то не догоняю? Спешу напомнить:

– Не говорите Ро... мистеру Эддингтону, что я интересовалась зарплатой.

Лицо Брюса меняется, словно его осенило. Он часто кивает:

– Разумеется, не волнуйтесь.

Я чуточку успокаиваюсь и, попрощавшись с ним, в смешанных чувствах выскакиваю в холл.

Позже, отобедав с Джейсоном, я распечатываю конверт и незаметно для посторонних глаз насчитываю сумасшедшую в моем понимании сумму. Пять тысяч долларов! Вот черт! Как такое возможно?

Первая часть? Он что, серьезно? У меня шок. Не может быть, чтобы Кейн отдал мне чужой конверт. Или может?

Легкий толчок, и я отшатываюсь в сторону, выпутываясь из раздумий.

– Простите! – извиняется неизвестный в инкубаторском костюме, проносясь мимо.

Спрятав свое богатство обратно в карман, удрученно бреду назад в офис.

Пять. Тысяч. Долларов. Непостижимо! Мир перевернулся или в большом городе и зарплату по умолчанию большие?

Было бы полезно узнать, сколько платят остальным, например, Торну, но Кейн велел не болтать. Помнится, Джей упоминал, что ему неплохо платят, да и Селест терпит Смит исключительно из-за денег. Значит, они недалеко от меня ушли. Во всяком случае, надеюсь... но, разрази меня гром, пять штук... первая часть! Кошмар. Не знаю, радоваться мне или рыдать, но это чересчур! Чересчур для меня и для любой другой девчонки из простой семьи среднего класса. Однако, как бы то ни было, кто-то либо очень щедр, либо сильно меня переоценивает.

* * *

Мэри Смит заставила меня перекопать целый архив, чтоб найти данные на какого-то субъекта с непрогнозируемой фамилией, давно уволившегося из компании. Компьютер не выдал ничего по запросу, пришлось рыться в бумагах. Вся эта ерунда занимает кучу времени, а Селест предательски смылась на ужин со своим Тайлером, бросив меня в полупустом здании в обществе дежурных охранников.

Услышав треск вибрирующего на столе сотового, я резко вскидываю голову и морщусь от ломоты в шее. Уф.

В офисе тихо, за окном смеркается. Сколько я проспала? Смотрю на дисплей – времени без пятнадцати десять, и шесть пропущенных звонков от Риз. Ох, она небось с ума сходит!

И что с этой женщиной? Я ведь заранее предупредила ее, что задержусь на пару-тройку часов, после чего она категорически запретила мне добираться до дома самостоятельно.

Как бы я ни пыталась избежать частного извоза, тетя впадает в бешенство от одного упоминания о метро, особенно запоздно.

Спустившись вниз, я первым делом набираю маму, и ее новости меня не радуют.

– Риз предложила снять для тебя квартиру.

– М-а-а-а-м! – обреченно тяну я.

– Кэти, я пыталась ее убедить, спорила, но она непреклонна...

– Ты согласилась?! – Возмущенная и разозленная, я почти кричу. Охранник предостерегающе косится в мою сторону.

– А что мне оставалось? Ты не представляешь, как непросто...

– Мам, – перебиваю ее, понизив голос, – я не хочу, чтобы она оплачивала мое жилье. Это похоже на содержание. Мне и так ни за что заплатили пять тысяч!

Хватаюсь за ручку и не успеваю приложить усилий, как дверь волшебным образом отталкивается от меня. Что за чудеса? Заглядываю через плечо и вижу своего Босса.

О Иисус...

В динамике мама ошарашенно вещает что-то про пять тысяч, а Эддингтон терпеливо дожидается, пока я очнусь и пройду вперед. Мне еще не приходилось лицезреть его с такого близкого расстояния, поэтому я туплю. Оказывается, он выше меня на целую голову.

– Я перезвоню, мам. – Не дослушав свою родительницу, нажимаю на отбой и оказываюсь на улице.

– Значит, я плачу тебе пять тысяч? – произносит он с укором.

Все-таки он очень симпатичный, несмотря на свою заносчивость.

– Это была первая часть, – на автомате выпаливаю я и тут же отвожу взгляд.

«Мерседес» тетушки в трех метрах от нас. Мечтаю поскорей очутиться в нем и умчаться подальше от этого типа. Его присутствие давит.

– Судя по последним фразам, которые я успел услышать, ты, кажется, не в восторге от столь щедрой оценки твоего труда?

Внезапно мне становится трудно говорить, поэтому я медлю с ответом. Челюсти сводит, и на этот раз не от злости. Ощущение, будто на улице резко похолодало и кожу пронзает лютый мороз. Меня знобит.

– Дело не в этом, – говорю я, – хотя я, честно, не ожидала. Это чересчур.

Я уже не помню, о чем мы говорим, все смешалось.

– Хм, согласен. – Эддингтон запускает руку в карман брюк, из-под манжет его белой рубашки сверкают часы. Наверняка дорогие, как и сам «мистер остроумие».

– Такие суммы нельзя бросать на ветер, иначе моя компания разорится, – изрекает он, глядя мне прямо в глаза.

На ветер?

Я поджимаю губы, а он смотрит на меня, как на провинившегося ребенка. Это так оскорбительно!

– Знаете, не я устанавливаю тарифы. Я удивлена не меньше вас, – стуча зубами, выплевываю я. Может, у меня грипп?

– И кто же у нас такой щедрый?

– Мистер Кейн.

– Вот оно что, – он неодобрительно качает головой, – что ж, его ждет разговор. – Роберт разворачивается, намереваясь сесть в свою машину.

Разговор? Нет-нет-нет, только не Брюс! Он слишком добр ко мне, чтобы ни за что получить нагоняй от этого сноба!

– Подождите! – преследуя удаляющуюся фигуру в черном элегантном костюме, кричу я. Он останавливается и неохотно оборачивается.

– Послушайте, это ведь чушь! – ляпаю я с ходу.

Он хмурится.

– Я имею в виду, Кейн не мог просто так заплатить мне такую сумму!

– Нет? – вторит он мне, и мы на секунду встречаемся глазами. По коже пробегает стая мурашек, моя дрожь усиливается.

– Конечно, нет! – заверяю его я. – Наверняка это тетя... или Майк.

Он меняется в лице.

– Почему Майк?

– Не знаю... тетя могла попросить его...

Эддингтон замолкает, задумавшись о чем-то своем. И пока между нами разрастается непонятное напряжение, я сжимаю кулаки, борясь со своим ознобом или хрен знает с чем, ни с того ни с сего завладевшим моим телом.

Он вдруг возвращается из своих размышлений и настороженно осматривает меня.

– Сегодня плюс двадцать пять, – зачем-то сообщает он, затем садится на заднее сиденье «БМВ» и прячется за тонированными стеклами.

Автомобиль выезжает с парковки и постепенно теряется в огнях вечернего Нью-Йорка, а моя дрожь тем временем отступает, и я с ужасом перевариваю его последнюю фразу. Он только что понял, что волнует меня. И, черт меня дери, я сама только что это поняла.

Глава 4. Квартирный вопрос

Долгожданный переезд!

К выходным тетя сдалась, и после длительных переговоров нам удалось прийти к компромиссу. В качестве моего нового жилья она предложила позаимствовать их пустующую квартиру в Сохо, где во времена своей бурной молодости проживали Роберт и Майкл.

Несколько лет назад Стюарт намеревался выставить ее на торги, но по неизвестным причинам вопрос повис в воздухе.

Учитывая аппетиты Эддингтонов, я ожидала очередного пентхауса, но квартира оказалась на удивление простой, в обычном шестиэтажном доме недалеко от метро. Не очень престижно для представителей высшего класса, зато для меня, как для человека далекого от манхэттенской элиты – самое оно.

Как полагается, без постыдных фрагментов не обошлось. Риз накупила целую гору продуктов, чем поставила меня в идиотское положение, но, внушив себе, что это последний позор в моей новой жизни, я смиренно подчинилась ее воле.

В гостиной стандартный минимум: телевизор, DVD, черный диван-трансформер и журнальный столик прямоугольной формы. За диваном два окна с жалюзийными решетками.

Бывшая комната Майкла значительно меньше гостиной и тоже не отличается шиком. Сразу и не скажешь, что в ней проживал один из самых завидных женихов Нью-Йорка.

Серый раздвижной шкаф, окно без занавесей, двуспальная кровать (кто бы сомневался!) и тумбочка. Над кроватью висит постер с каким-то гонщиком.

– Раньше все стены пестрели картинками с обнаженными девушками, – Риз осуждающе качает головой, – но, к счастью, он перебесился.

Я фыркаю. Да неужели?

Мне вспоминается флирт с секретаршей, и перед глазами вырисовывается образ валяющегося в постели Майкла – с сэндвичем в зубах и девицей под боком.

Незаметно для тети я брезгливо морщусь, и мы перемещаемся во вторую спальню.

– А здесь жил Роб, – говорит Риз, встав у меня за спиной. Я моментально краснею. О господи, ну что на этот раз?! Одно упоминание о нем, и мой организм взрывается такой реакцией! Стыдливо прячу лицо, чтобы тетя не дай бог не узрела моего «естественного сияния», и осматриваюсь. Интерьер такой же, как и у Майкла, за исключением штор на окне и музыкального центра на подвесной полке.

– Мой сын меломан, – с трепетом произносит Риз, из чего я делаю вывод, что старший – ее любимчик.

– Уверена, вся тумбочка забита дисками, если, конечно, он не перевез их к себе.

Я слегка раздосадована. Мне-то казалось, что мой Босс – робот, которому чужды такие понятия, как музыка, кино или поэзия, а тут, оказывается, меломан!

– Займешь эту? – спрашивает Риз. – Она уютнее, правда?

– Да они в принципе одинаковые, – вполголоса произношу я, не видя особой разницы между двумя комнатами.

Перед уходом тетя берет с меня обещание не кататься запоздно на метро. Я клянусь ей быть осторожной и, если приспичит, пользоваться услугами такси, благо денег у меня теперь до фига. Кстати, о деньгах...

– Спасибо за зарплату, тетя Риз. Не стоило...

– Ой, пустяки, милая, – не дав мне закончить, отмахивается она, – я тут ни при чем.

Напоследок меня инструктируют по безопасности, я киваю, однако мысли мои витают совершенно в другом месте.

Потом мы, наконец, обнимаемся, я закрываю за ней дверь на верхний, самый безопасный замок и шлепаю на кухню, где меня давно ждали пакеты с едой.

Медленно раскладывая продукты в холодильнике, я теперь не сомневаюсь, что пять тысяч долларов – заслуга Майка.

* * *

Одна дома!

Хоть в трусах бегай, хоть рогалик на голове крути! Никаких родственников, хороших манер и всевидящего ока в лице толстушки Анетт.

Закончив разбирать продукты из Ernest Klein & company¹⁰, я все-таки решаю занять спальню Роберта под благовидным предлогом, что это единственная комната со шторами.

Открыв шкаф, с удивлением обнаруживаю в нем одежду, и моя душа наполняется странным трепетом, будто я набрела на сундук с сокровищами, обеспечив себе безбедную жизнь.

Бред. Это всего лишь вещи... Нет, поправочка. Это *его* вещи, и я случайно оказалась на чужой территории, что само по себе интригующе.

На боковых полках стопка джинсов и пара беговых Nike с наклейкой на язычке: US 11.

В голову лезут непрошенные мысли про то, чему, по слухам, соответствует мужской размер ноги. Смущенно хихикаю, прогоняя пошлости прочь.

Во второй половине шкафа развешаны футболки. В основном с названиями английских футбольных клубов: «Манчестер», «Челси», «Арсенал»...

Надо же, каков патриот. Значит, к музыкальному хобби приплюсовывается еще и спорт. Если он не просто болельщик, а игрок, то у меня разовьется комплекс неполноценности относительно его талантов. Спортсменка из меня как из черепахи легкоатлет. На физкультуре я всегда лажала, за что меня частенько дразнили развалиной.

Со скрипом сдвигаю вешалки, задаваясь вопросом, почему эти вещи здесь. Они вышли из моды или у него их попросту до фигу? Лучше бы нуждающимся отдал, чем складировать корм для моли.

Тем не менее часть меня ликует из-за возможности порыться в его одежде, прикоснуться к чему-то, связанному с ним. Внезапно я бессознательно подаюсь вперед, утыкаюсь носом в одну из футболок и вдыхаю ее аромат. Пахнет кондиционером для белья и чем-то сладким. Очень вкусно. Прикрыв глаза, я проделываю так снова и снова и ловлю себя на мысли, что запах умопомрачительный!

Боже мой, я что, фетишистка? В ужасе распахиваю глаза и с силой задвигаю дверцу, от чего стенка шкафа издает характерный треск.

Вот дура! Ничего унизительнее, как нюхать его тряпье, не придумала?

Разгневанная, перевожу взгляд на тумбочку. Интересно, каких исполнителей он слушает?

Присаживаюсь на корточки и заглядываю внутрь. Обалдеть! Тетя не преувеличила, забито до отказа! Beatles, Rolling stones, Led Zeppelin, The Stooges, Lou Reed, The Kinks, Slade...

Я и половины не слышала. В музыкальном плане я вообще обыватель и вкусом не блещу, но кто бы мог подумать, что гад в этом разбирается.

От неудобной позы колени начинают ныть. Я плюхаюсь на задницу, поджав под себя одну ногу, а вторую вытягиваю вперед и задеваю под кроватью какой-то предмет.

Приподняв серое хлопковое покрывало, заинтригованно тянусь к своей находке. Похоже на фотоальбом. Полупустой, в зеленой, потрепанной обложке. Раскрыв его, я задерживаю дыхание.

¹⁰ Ernest Klein & company — супермаркет в Нью-Йорке, расположенный на 6-й авеню.

На первом фото по пояс запечатлен Роберт. Загорелый, в белой обтягивающей майке, сквозь которую просвечивают рельефные мышцы.

Мама дорогая! А под пиджаком и не скажешь, насколько он хорошо сложен.

Я сглатываю.

Очевидно, это на отдыхе. На фоне бассейн, пальмы и маленькие бунгало. Роберт держит бокал предположительно с белым вином и широко улыбается. В глазах задор и веселье. Я еще не видела его таким. Таким по-мальчишески беззаботным. Если верить дате, то фото сделано четыре года назад, как раз в мае.

Переворачиваю и люблюсь следующими снимками.

Роберт стоит на лестнице в махровом халате, положив руку на перила. С мокрыми взъерошенными волосами и игривым взглядом он совсем не похож на человека, с которым я сталкивалась уже целых три раза.

На другой фотке он в солнечных очках-авиаторах, сидит на песке в шортах, с полотенцем на шее. На следующей стоит возле пляжного бара спиной к объективу и смеется над чем-то, запрокинув голову.

Не могу оторваться. Он впечатляюще красив, обаятелен и – как ни странно – мил.

Листаю дальше, и мое сердце падает вниз, отстукивая мощные, учащенные удары.

Девушка. В белом коротеньком платье на тонких бретельках.

Она сидит на краю пирса, свесив загорелые стройные ноги вниз, а длинные черные волосы ровным каскадом ниспадают на ее хрупкие плечи. Она раздражающе безупречна.

Перелистнув страницу, я дохожу до совместных кадров. Она обнимает его за шею, а он целует ее, делая снимок на расстоянии вытянутой руки.

Меня переполняют скверные эмоции, которые в народе зовутся ревностью. Ох, да я просто задыхаюсь от ревности, и это неправильно! Как я могу?

На последней фотке снова она.

Стоит перед зеркалом в маленьких трусиках и фотографирует себя, двумя пальцами приподнимая белый топ, из-под которого проглядывает подтянутая грудь. Такое обычно делают на память и для сугубо личного архива.

Интуитивно я вытаскиваю фото и не ошибаюсь. На обратной стороне подпись:

Только твоя, любимый. С головы до ног. По уши влюбленная в тебя, М.

Швырнув альбом на пол, я почувствовала себя так, словно меня переехал грузовик. В висках стучит, а на душе тяжким грузом лежит обида. Только на кого и за что? Еще вчера я ненавидела его, а сегодня умираю от досады из-за прекрасной незнакомки по имени М.

Мэлани? Моника? Мария? Можно продолжать бесконечно.

Ко мне приходит ужасное осознание, что моя ненависть – не ненависть вовсе. «Враг», «тип», «ублюдок», кем бы он ни был, симпатичен мне до такой степени, что все мои мысли теперь заняты его умопомрачительной подружкой, конкурировать с которой бесполезно.

Конкурировать? Я перебираюсь на кровать. Мда, это я загнула... Упав на спину, начинаю исследовать потолок и обнаруживаю в нем глубокие трещины. Наверное, они спали здесь вместе... а может, даже жили.

А может, она была знакома с его родителями. Говорят, это высшая степень серьезности намерений, когда парень знакомит девушку со своими родителями. Впрочем, мне-то какое дело? Даже если он звал ее замуж, меня это не касается. Не касается, и точка!

Я закрываю глаза и вздыхаю.

Странно... умом я ведь все прекрасно понимаю, однако сердцем принять не могу.

* * *

В воскресенье, ближе к полудню мы с Фабио договариваемся о встрече, и я оказываюсь на Пятой авеню, напротив «Сакса» – легендарного десятиэтажного торгового центра. Здесь действительно много туристов, хотя я бы охотнее сходила в музей Гуггенхайма, нежели таращилась на стеклянные витрины. В голове не укладывается, как можно спустить пятьсот долларов на шарф! Это же порнография какая-то!

– Еле вырвался из салона! – Забыв про шарф, я оглядываюсь на мелодичный голос подошедшего стилиста. – Привет, куколка!

– Привет. – Он чмокает меня в щечку и вручает мне стакан из «Старбакса».

– Надеюсь, ты любишь капуччино.

Ненавижу, но ему не обязательно знать.

– Спасибо, – бормочу я с напускной благодарностью. Цокнув языком, он берет меня под руку и ворчит:

– Как можно не любить капуччино...

Черт, как он догадался? Мы проходим в «Сакс». Несмотря на раннее время, здесь полно народу.

– Итак, что мы ищем? – спрашивает Монте, выхватив у меня стакан.

– Второй костюм, только раза в три дешевле, ну и как пойдет.

– Хм, ты даешь простор для моей безграничной фантазии, – мечтательно произносит Фабио.

Что?

– Ничего вызывающего и экстравагантного, – поясняю я, уловив ход его мыслей.

Он закатывает глаза.

– Терпеть не могу запреты!

Я смеюсь и следую за ним в лифт. Вопреки своим принципам и предвзятому отношению к шмоткам я сама вызвалась на шопинг, ссылаясь на внезапную потребность в обновлениях. Почему? Во-первых, дресс-код. У меня больше нет слуг, которые ежедневно забирали мой единственный костюм в чистку. Во-вторых, осточертело одеваться как подросток. А в-третьих... я не могу признаться себе том, что «в-третьих».

Через час фантазия Монте оказывается на пике. Не сумев нарядить меня в юбку, он берется за платья.

– Я не ношу платьев!

– Почему? – Не вникая в причину моего отказа, удивляется он. – Ты толстая? Кривоногая?

О боже!

Опасливо оглядываюсь по сторонам, вычисляя наличие толстых и кривоногих в радиусе трех метров. Не хватало еще, чтоб его избили за длинный язык.

– Они мне не идут, и все!

– Ой-й-й, я тебя умоляю! – Монте скептически фыркает.

– Я согласилась на скинни¹¹, но никаких платьев и юбок!

– У тебя серьезные проблемы, дорогая. Вот здесь, – резюмирует он, ткнув пальцем мне в лоб. Я насупливаюсь.

Шопинг превращается в пытку, а его критика жутко утомляет.

Впрочем, Фабио тоже порядком устал от такой брюзгливой клиентки. Он смеряет меня сердитым взглядом, под которым я становлюсь меньше и благополучно умолкаю.

¹¹ Скинни – очень узкие джинсы, подчеркивающие все изгибы фигуры.

– Ладно, кто он?

Я округляю глаза.

– Он, для кого ты все это затеяла, – повторяет стилист.

– Что? О чем ты? – раскрасневшись, как рак, пытаюсь скосить под дурочку.

– Я тебя спрашиваю, – настаивает он.

Прыскаю от смеха и, опустив голову, прячусь за свисающими на лицо волосами. Мой коронный прием, всякий раз, когда я в заднице.

– С каких пор поход за покупками стал причиной для симпатии к кому-либо? – У меня дрожит голос, а багровые щеки пылают адским пламенем. Монте непреклонен и ждет существенных аргументов, которых в моем арсенале – ноль.

Нет, один все-таки завалился:

– Я получила зарплату!

– Поздравляю. И?

И? Черт, этот метросексуал видит меня насквозь, бесполезно отпираться. И надо ли? У меня появилась возможность выговориться не только своему отражению в зеркале. Но я не могу назвать имя. Фабио дружит с Риз, а это означает катастрофу.

– Ладно-ладно, ты выиграл! – сдаюсь я, получив в ответ довольную улыбку. – Только обойдемся без имен, – глядя себе под ноги, добавляю я.

Монте согласно кивает.

– Познакомились недавно. Он умопомрачительно красив, богат, и его женщина похожа на богиню, – на одном дыхании выпаливаю я, помрачнев на последней фразе.

– Так он не свободен?

Хотела бы я знать.

– Понятия не имею... я мало о нем знаю, но видела их совместные фотки, сделанные несколько лет назад.

– И ты ревнуешь, – делает вывод он, заботливо убирая волосы с моего лица.

Я киваю.

– Но шопинг не из-за него, – говорю я не совсем честно, пытаюсь свести тему на нет, – мне правда нужен костюм.

– А этот мистер Икс знает, что он тебе нравится?

– Нет, что ты! – рывкаю я почти испуганно. Фабио хмурится.

– Тогда я совсем ничего не понимаю.

– Я сама ничего не понимаю, – со вздохом произношу я.

– Так скажи ему!

– С ума сошел? Нет!

От одной только мысли о признании у меня поджилки трясутся.

– Глупо возвращать в себе заведомо безответные чувства. Прости, куколка, но это выше моего понимания, – заключает этот всезнайка, разрушая мои потаенные мечты, связанные с Робертом. Будто я не знаю, насколько это глупо, насколько я глупа и нелепа!

Состояние хуже некуда, я меняюсь в лице и хочу уйти, но от этого парня трудно отделаться. Он берет меня за руки и улыбается.

– Так, довольно пессимизма! Немедленно бежим в кафе, а шопинг продолжим позже.

– Зачем? – бурчу я, удивленная его резкими переходами.

Он вращает глазами и, смеясь, тащит меня за собой.

– Ты даже не представляешь, на что способны эти коварные шоколадки!

Фабио не соврал. Трюфель, шоколадные пралине и ягодный чай пошли мне на пользу. Переполненная гормонами счастья, я с радостью отдалась в руки неугомонного стилиста, не забывая при необходимости умерять его пыл.

Я категорически запретила наряжать меня в шляпки, туфли на шпильках и обтягивающие леггинсы, однако ему все-таки удалось нацепить на меня платье, и, как это ни прискорбно, оно мне подошло! Одно... второе... и даже третье.

Пока продавщица на кассе тщательно украшает мои покупки всевозможными ленточками и бантиками, я, встав в сторонке, смотрю на чек, и ко мне запоздало возвращается здравый смысл. Господи, я только что спустила целых две с половиной тысячи долларов на шмотки!

Кем я себя возомнила? Пэрис Хилтон? Никогда бы не подумала, что можно вот так запросто истратить столько денег. Нет, этого я себе точно не прощу!

– Дорогая, в том бирюзовом платье ты выглядишь на миллион долларов! – подбадривает меня Фаби.

Выдавливаю из себя улыбку значительно обедневшего человека и принимаю из его рук три пакета с половиной моего аванса. Так непривычно...

На улице я прошу Фабио не рассказывать тете про шопинг, объяснив свое желание простым человеческим неудобством. Конечно, он не разделяет моего беспокойства, но обещает молчать.

Услышав звук сообщения, достаю сотовый и сталкиваюсь с абсолютно неадекватной реакцией:

– Боже мой, дорогая! Что это?!

Я непонимающе мигаю. Что? О чем это он?

Монте выхватывает у меня трубку и исследует ее, как неопознанный объект.

– Что? – взволнованно говорю я.

– Где ты это взяла?!

У меня отвисает челюсть. Чем ему не угодил мой телефончик?

– Ему всего полтора года. И между прочим, это одна из новинок, – задетая его нелестным высказыванием, отвечаю я.

– Даже если его изобрели вчера и выслали тебе, как единственный экземпляр, это чудовищно!

Понимаю, что у больных свои заморочки, и молча отбираю у него свой совсем не чудовищный сотовый.

– Мы сейчас же купим тебе новый!

– Что? Нет! – громко возражаю я, но Фабио Монте наплевать. Светофор как по взмаху волшебной палочки загорается зеленым, и он тащит меня на противоположную сторону улицы. Я беспомощно плетусь за ним, ругаясь и упираясь, потому что покупка нового телефона не входила в мои планы.

– Мне не нужен новый телефон! Ну правда!

– Господи, милочка, да он тебе просто необходим! Сейчас же! Немедленно!

* * *

Домой я заявляюсь под вечер.

Уставшая, но с кучей пакетов и китайской едой. А, и с новым смартфоном.

Фаби поставил меня перед суровым выбором – либо черный, либо белый айфон. Я не нуждалась ни в одном, ни в другом, ни даже в третьем, но разве его переубедишь?

Он без остановки жужжал, что телефон – это не просто средство связи, а имиджевый аксессуар, и что ни один уважающий себя человек не смеет игнорировать сие правило.

В конце концов, устав от его настойчивости, я сдалась и выбрала пятый в черном корпусе.

Разложив на журнальном столике тарелки со своим ужином, раскрываю ноутбук и, соединив смартфон через провод, начинаю активацию.

* * *

После душа я принимаюсь за сортировку одежды. Нужно постепенно облагораживать пространство, раз уж это мой новый дом, но вместо того, чтобы перенести вещи Роберта в другую комнату, я смешиваю их со своими, сославшись на обычную человеческую лень.

Сдвигаю вешалки, расчищая территорию для своих первых в жизни платьев, и останавливаюсь на белой футболке с надписью «Мистер плохой парень».

Как символично. И он в ней ходил?

Прикладываю ее к себе и смотрюсь в зеркало. Да, не мой размерчик. Интересно, насколько она мне велика? Стянув халат с плеч, я ловко ныряю в футболку и смеюсь. Выглядит как бесформенная тряпка, но мне нравится. Гораздо больше, чем все мои новоиспеченные обновки.

В нос ударяет запах чистого белья и едва уловимый сладкий аромат. Боже мой, ну что это? Может, его парфюм? Неужто он так пахнет?

– О черт, – встряхиваю головой, – по-моему, я помешалась.

Мысли об Эддингтоне не покидают меня на протяжении всего вечера.

Не могу понять, в какой момент моя ненависть превратилась в симпатию. Когда я встретила его в доме у тети или в тот день, после работы? А может, в самый первый раз, когда он чуть не выкинул меня из кабинета Кейна? Это невозможно, ведь он был таким козлом!

Перед сном я просматриваю фотоальбом для повторного мазохизма.

* * *

Меня будит странный шорох. Вокруг темно, только свет от уличного фонаря проглядывает сквозь плохо задернутые шторы. Сонная, я протягиваю руку, беру айфон и шурюсь – 4:30 утра.

Наверное, показалось.

Переворачиваюсь на другой бок, но звуки усиливаются. И это не глюки, они из коридора! К ним прибавляется какая-то возня и шаги, и мое сердце падает в трусы.

Боже...

Вскакиваю с кровати, чувствуя себя героиней фильма «Хэллоуин», что наводит на меня еще больший ужас, и встаю у стены, не решаясь выглянуть.

Вот тебе и самостоятельность! Без охраны, без дяди с тетей. Сейчас тебя изобьют, изнасилуют и убьют. И так тебе и надо, идиотка!

Пытаюсь взять себя в руки, но это не просто, учитывая мои габариты. Вряд ли я справлюсь с противником со своими 45 килограммами веса, если только он не дистрофик. Однако оружие не помешает. Ничего лучше вешалки не нахожу и, крепко сжав ее в холодном от страха кулаке, плавно выглядываю из спальни, рассчитывая точность удара по преступнику. Блин, мне еще никогда не было так страшно! И я начинаю понимать, почему жертвы насилия впадают в оцепенение, а не руководствуются логикой. Это такая жопа, что о приемах Брюса Ли напрочь забываешь.

Мимо проплывает силуэт, мужской и далеко не хилый, и прежде, чем меня успевают хватить удар, я слышу громкую разрывающую тишину мелодию. «Взломщик» выругивается, а я беззвучно охаю.

– Да! – гаркает он раздраженно. Господи, это не вор, а, мать его, Майкл! И он крепко пьян.

– Не ори, я доехал, – заплетающимся языком бормочет парень, параллельно пытаюсь раздеться.

Я по-прежнему не двигаюсь, наблюдая за ним со стороны, и постепенно прихожу в себя после ложного испуга.

– И не хрен указывать мне, ясно?!

Он ссорится с кем-то.

– Ты че, мамочка? – Майк с трудом стаскивает с себя куртку и, вовремя ухватившись за стену, удерживается на месте. – Я вышлю тебе счет за причиненный ущерб! – он ржет, помаленьку продвигаясь в гостиную, а поскольку комнаты смежные, то и мне не составляет труда очутиться там. – Да иди ты на хрен!

Мобильник взлетает вверх и с треском приземляется на пол.

Не думая о последствиях, я включаю свет, и по дому разлетается дикий нечеловеческий вопль.

– Черт, какого... кто здесь?! – У него настолько испуганное лицо, что мне становится смешно. Ха-ха, так тебе! Я тоже пару минут назад чуть не сдохла!

Майк прищуривается, фокусируя на мне зрение. Думаю, в его состоянии это проблематично.

– Э-э... че ты тут делаешь? – бормочет он, разглядев меня, наконец.

– Живу, – спокойно отвечаю я, избавившись от вешалки.

Он хмурится и, покачиваясь из стороны в сторону, плетется к дивану.

Ну и видок! Взъерошенные волосы, выдернутая из-за пояса синяя рубашка, перепачканные в грязи джинсы... Фу, и спиртным разит за километр!

– А я думаю, кто здесь... – плюхнувшись на диван, бурчит он.

Так, я не поняла...

– Ты что, собираешься здесь спать?

– Угу... – мычит он.

– Почему?

– Потому что прямо сейчас дома меня дожидается о-о-очень сердитая женщина, предположительно с огнеметом. Я не могу так рисковать.

Так я и знала. Бабник недоделанный!

– А к родителям в таком виде... сама понимаешь, – невнятно добавляет он.

Да уж, что верно, то верно.

– Кстати, я припарковался в неподобающем месте... не перегонишь?

Он шутит?

– С моими-то навыками вождения? Нет, уволь.

– Ого, – он поднимает брови, – ты что, чайник? – Он громко хохочет, я качаю головой.

– И как ты доехал в таком виде? Много народу пришлось с асфальта соскрести? – иронизирую я.

– Я профи, – горделиво заявляет Майк, – между прочим, я мог бы стать гонщиком.

Он принимает сидячее положение, кряхтя и грязно ругаясь, затем осматривает меня с головы до ног и изумляется.

– Это футболка моего брата.

О нет, я совсем забыла о ней!

– Э-э, случайно нацепила. В темноте, – отмазываюсь я. Как назло, ничего умного в голову не лезет.

Майк тупо таращится на меня до тех пор, пока его воскресший телефон не начинает звонить.

– Ответишь?

– Ни хрена, – рычит он, – пусть валит ко всем чертям!

– Это та сердитая женщина с огнеметом? – спрашиваю я с улыбкой.

– Нет, – он мотает головой, – тот, в чьей одежде ты видишь сладкие сны, – хихикает он.

Здорово, именно сегодня мне надо было нацепить эту футболку, и именно сегодня этот алкоголик должен был заявиться и поймать меня на месте преступления.

Очень скоро Майкла окончательно развозит и, зарывшись носом в сгиб локтя, он вырубается, громко захрапев.

Фу.

Разбитая трубка перестает звонить, а я возвращаюсь в спальню и молюсь всем богам, чтобы, протрезвев, он ни о чем не вспомнил.

* * *

Проснувшись раньше обычного, я успеваю вымыть голову и как следует привести себя в порядок. Утро на удивление приятное и бодрое, несмотря на ночной каламбур. Но об этом лучше не думать.

Хорошенько высушив волосы, я механически гляжу на щетку и ужасаюсь. Кошмар какой! В погоне за совершенством половину волос выдрала.

Ну ладно, огрехи укладки.

Из косметики наношу блеск и прозрачную пудру-вуаль. Новый костюм смотрится не хуже прежнего. И хорошо, что я позаботилась о втором варианте. С каждым днем в Нью-Йорке все жарче, и рубашка с рукавами три четверти весьма кстати.

Застегнув верхнюю пуговицу, надеваю пиджак. Сегодня я совсем не страшная. Даже если учесть все минусы и мое предвзятое отношение к себе, я хорошо выгляжу.

В кухне меня поджидает сюрприз в виде помятого, непривлекательного, дурно пахнущего Майкла. Похоже, он только продрал глаза и вот-вот отдаст концы, устало развалившись за столом.

Услышав мои шаги, он с трудом приподнимает кисть и машет мне тремя пальчиками.

– Ну как ты? – из вежливости интересуюсь я, подойдя к кофеварке.

– Готов покорять Эверест.

Пока чашка наполняется ароматным эспрессо, достаю из шкафчика аспирин. Растворив в стакане таблетку, передаю его несчастному бедолаге.

– Спасибо, – благодарит он и морщится, делая маленькие глотки.

Мой кофе готов. Беру чашку и встаю у окна. Завтракать не буду, неохота задерживаться в его обществе.

Уверена, он прогуляет работу. Куда идти с такой рожей?

Под глазами мешки, лицо посиневшее, щеки заросли щетиной... вылитый бродяга.

– Вжилась в роль офисной леди? – ехидничает парень, поглядывая на мою одежду.

– Предлагаешь ходить в том же, в чем и ты?

– Не-а. – Он смеется.

– Ладно, мне пора, – говорю я, прихватив с собой вчерашний круассан. Скупаю по дороге.

– Я бы тебя подвез, но я слегка не в форме.

Я прыскаю от смеха и закидываю на плечо свою новенькую сумку. Она гораздо легче и удобнее старой. А еще в ней куча отделений и фасон ко всему подходит.

– Если бро спросит про меня, скажи, что я арестован и отправлен в Бангкок на пожизненное заключение!

Я смеюсь.

– Вряд ли удастся. Я с ним не вижусь и даже не знаю, где его кабинет.

– Третья дверь слева от Брюса Кейна, самый большой кабинет во всем здании.

Не думаю, что эта информация мне пригодится, но на всякий случай запоминаю и иду на работу.

Глава 5. Досье

На работу я прихожу на целых пятнадцать минут раньше обычного. Оказывается, это не так уж и сложно – прийти вовремя. Нужно просто встать пораньше, и тогда ты преспокойненько, без лишних усилий доберешься из одной точки в другую.

Показав пропуск, я, довольная своей пунктуальностью, шагаю к лифтам и получаю эсэм-эску от Сэл:

«Кэт, умоляю, захвати мне миндальный латте»»

Начинается!

И так почти каждый день. Ну чем, чем ее не устраивает дешевый, территориально доступный кофе из автоматов? Она что, лучше Аманды Мур?

С этими мыслями я резко разворачиваюсь, врезаюсь в кого-то лбом и, не успев опомниться, поскользываюсь на ровном месте и падаю.

О боги!

– Простите, мисс! – извиняется незнакомец в сером костюме, пока я, сгорая от стыда, принимаю пристойную позу. Звание «позор года» мне теперь точно обеспечено.

– Мисс, вы в порядке? – в панике повторяет он.

Киваю и пробую подвигать своими конечностями. Вроде действуют, но, по-моему, я ушибла бедро и локоть. Да, и мозг чуточку тупит. Блин, как так вышло?

Вокруг уже скопился никому не нужный народ, люди бессовестно таращатся на меня и галдят в один голос, что нужно вызывать «Скорую».

– Не надо «Скорой», я в порядке! – испуганно возражаю я, пытаюсь подняться, но мне не позволяют, в буквальном смысле удерживая меня на месте.

Что за хренотень?!

И куда подевался тот вредоносный тип, на которого я налетела? Верчу головой, высматривая виновника своего провала, но его и след простыл.

Прекрасно! И на кого мне теперь жаловаться?!

– Что здесь происходит? – грозно доносится издали, заставляя всех притихнуть.

О нет...

Задерживаю дыхание и не успеваю даже осознать всю убогость своего положения, как сотрудники торопливо расступаются, и передо мной возникает он.

Облаченный в черный костюм и белоснежную рубашку, Роберт изумленно меня разглядывает, явно не понимая, с какой стати я распласталась по полу в холле его компании.

– Мистер Эддингтон, мы хотели вызвать «Скорую», но она против!

– Ее толкнули!

– Она упала в обморок!

Вот так рождаются слухи.

– Я просто поскользнулась, – угрюмо бормочу я, сидя на заднице. Приплетать сбежавшего незнакомца бесполезно, он уже стал историей, к тому же я сама во всем виновата. Эддингтон демонстративно качает головой и, подступив ближе, глядит на меня сверху вниз, как на побитую дворнягу.

– Опять хулиганишь, Бэйли? – спрашивает он учительским тоном, пока окружающие молча переглядываются. Вот теперь я точно на грани обморока! До смерти смущенная, я завоженом изучаю его лицо, не в силах издать ни звука. По-моему, он стал еще красивее с нашей последней встречи, и это жутко отвлекает. Слова застревают в горле, а мысли пляшут в ритме

Ора gangnam style¹² и никак не хотят выстраиваться в предложения. Я ничего не вижу, кроме темных, глубоко посаженных глаз и приоткрытых губ с дерзкой ухмылкой.

Ох, мать божья!

– Рухнуть посреди фойе... это уже дурной вкус, – подтрунивает надо мной Роберт, возвращая меня в суровую реальность. Держу пари, он догадывается, что у меня на уме, и наслаждается произведенным эффектом.

Хвастливый павлин!

Я начинаю злиться. На него, на себя, на окружающих, подглядывающих за нами, но в особенности на Его величество случай, который то и дело выставляет меня идиоткой!

Дурной вкус?! Соберись, Кэтрин!

– Я нечаянно, – свирепо проговариваю я, встав, наконец, с пола.

– Где-то я уже это слышал, – с укором произносит он. – Боюсь, мне придется подарить тебе книгу по этикету.

Книгу по этикету? И это говорит человек, который даже не соизволил подать мне руки?

– При чем тут этикет? – огрызаюсь я. – Это случайность!

Он делает большие глаза и начинает загибать пальцы:

– Случайно ворвалась в кабинет, случайно поскользнулась... – Он театрально вздыхает. – Скажу тебе честно, за четыре года существования моей компании здесь еще ни разу никто не лежал.

Сбоку слышатся смешки, это наши зрители подают признаки жизни. Здорово! Отныне я всеобщее посмешище, а все благодаря кому?

Насупливаюсь и смотрю в пол.

Ну и представление он устроил! Вместо того чтобы проявить элементарное человеческое сострадание, он стоит и наработывает себе очки среди кучки дегенератов!

– Ладно, – неожиданно громко объявляет Эддингтон, выдергивая меня из глубины моей обиды. – Концерт окончен, все свободны!

Не проходит и секунды, как ротозеи послушно расходятся, перешептываясь между собой. Думаю, они многое отдали бы, чтобы досмотреть до конца, но приказ есть приказ.

Интересно, каково это, когда тебе подчиняются? Я бы так не смогла...

Роберт издает какой-то гортанный звук, напоминая мне о своем присутствии, и я невольно обращаю на него свой взор, заранее приготовившись к очередному моральному прессингу.

– В следующий раз, – на удивление мягко начинает он, – будь осторожнее, о'кей?

Я роняю челюсть и, как обычно, не нахожусь с ответом, однако он и не требуется. После сказанного Эддингтон сразу же разворачивается и, поприветствовав какого-то взрослого упитанного дядю, теряется за дверями лифта.

И как это понимать? Не мужчина, а ходячий кроссворд. А если учесть, что с разгадыванием у меня не очень, то...

Набираю полную грудь воздуха и растерянно оглядываю холл.

Зевак и след простыл, только девушка с проходной крутится вокруг места моего падения, приговаривая что-то о какой-то ручке.

– Что-то потеряли? – участливо интересуюсь я.

– Не я, мистер Эддингтон уронил! – взбудораженно докладывает она, размахивая передо мной тонкой серебряной ручкой.

Боже, сколько драмы! Будто у него другое из штанов вывалилось!

Меня вдруг осеняет.

¹² Ора gangnam style – песня южнокорейского исполнителя Psy.

– Я передам. – Набравшись наглости, выхватываю у нее священную находку и кладу в свой карман.

– Ты? – недоверчиво переспрашивает девушка. Киваю и для особо одаренных повторяю:

– Да, я.

* * *

Слух о моем утреннем провале облетел все здание. Как полагается, люди еще добавили чуточку отсебятины и снабдили все это дело спецэффектами. Немудрено, что каждый второй счит своим долгом справиться о моем здоровье, хотя к чему эти вопросы?

Логично предположить, что все в порядке, раз я не на костылях и даже не хромаю. Правда, бедро и локоть слегка побаливают. Синяков нет, но к вечеру наверняка проступят. В общем, падать на начищенные полы нью-йоркских небоскребов я настоятельно не рекомендую.

Селест благополучно простила мне отсутствие долгожданного латте, испытывая долю своей вины в случившемся. Я так красочно все ей расписала, что в ближайшем будущем от беготни за кофе меня освободили. Что ж, нет худа без добра!

К полудню залезаю в картотеку и, покопавшись немного, с радостью обнаруживаю досье на босса.

Роберт Джеймс Эддингтон.

Должность: генеральный директор холдинга «Эддингтон Девелопмент Групп» с 2009 года.

Дата рождения: 1 июля 1984 года.

Место рождения: Лондон, Великобритания.

Семейное положение: не женат, детей нет.

Адрес: 145 Hudson street, NY, 10013.

И все?

Ему почти двадцать девять, по гороскопу рак, второе имя Джеймс.

«Не женат, детей нет».

Это мне без досье известно. Если бы у тети Риз завелась невестка и родился хотя бы один внук, она бы растрезвонила об этом всему свету.

В раздумьях закусываю мизинец и бросаю взгляд на серебряную шариковую ручку, которая вот уже несколько часов мозолит мне глаза.

М-да, детектив из меня не очень. Посмотрим, справлюсь ли я с ролью актрисы...

* * *

В приемной на двадцать пятом меня встречает улыбчивая Элисон Дарлинг. Ну вылитый Гуинплен¹³!

– Добрый день, Элисон! – Я тоже широко улыбаюсь и наверняка выгляжу по-идиотски. – Мистер Кейн у себя?

– Привет, Кэтрин! Ох, он только что уехал, – с сожалением отвечает она.

– О, не может быть. – прикидываюсь огорченной. – А он, случайно, не оставлял ничего для мисс Мур?

¹³ Гуинплен – персонаж из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется».

– Э-м-м... вроде нет. – Девушка суетливо шарит по столу и даже заглядывает в ящик, но увы. – Нет, ничего.

– Может, в кабинете? – настаиваю я. Мне нужно, чтобы она свалила.

Элисон неуверенно мнется. Копаться в кабинете у начальства, видно, противоречит ее принципам, или же она попусту ссыт, однако мне сейчас не до этого. Я должна от нее избавиться.

– Н-у-у, я могу посмотреть, но... – колеблется секретарша, хлопая густыми кукольными ресницами.

Но?

– Посмотрите, пожалуйста, – с отчаянием в голосе прошу я, и это добивает ее чуткую душевную организацию. Брякнув: «Я сейчас», мисс Дарлинг убегает на поиски несуществующей папки, а это означает, что у меня есть ровно шестьдесят секунд!

Переполненная адреналином, я молниеносно ретируюсь влево, к третьей, самой дальней двери, бессознательно хватаюсь за круглую металлическую ручку и, полностью позабыв о золотом правиле, за нарушение которого неоднократно получала по башке, ныряю в светлый просторный кабинет.

Вот зараза!

По спине ползет знакомый холодок, коленки трясутся. На этот раз мне трындец, думаю я, глядя на хозяина положения.

Эддингтон, спокойный и безупречный, сидит за стеклянным столом и просматривает какие-то бумаги. Увидев меня, он вопросительно выгибает бровь и, вместо того чтобы разозлиться, заметно веселеет.

– Ты меня провоцируешь? – сардонически вопрошает он, склонив голову набок.

Прости-прости-прости!

– Нет, на этот раз случайнее некуда! – жалобно сиплю я, понимая всю абсурдность своего оправдания. Почему я не постучала, почему-у-у?!

Роберт недоверчиво хмыкает, покачиваясь в большом директорском кресле, и пристально изучает меня. Небось наказание придумывает, гад.

Блин, так мне и надо! Два раза в одну и ту же яму – сверхтупость!

– Зачем пожаловала? – спрашивает вдруг он, по-видимому, устав от созерцания моей неинтересной морды.

Я робею и на секунду забываю о причине своего фееричного появления. Стоять перед Элисон Дарлинг и перед этим произведением искусства не одно и то же.

Кое-как собравшись с духом, ковыляю к его столу, достаю из кармана ручку и кладу на самый краешек.

– Вот, – говорю я охрипшим от волнения голосом, – вы уронили в холле.

Черт, как глупо. В моем воображении возврат ручки казался менее унижительным.

– О, утренний казус, – с издевкой уточняет Роберт, прикрыв кулаком рвущуюся наружу улыбку.

Очень смешно, придурок...

– Что ж, спасибо, – после короткой паузы благодарит он и замолкает.

На этом моменте, видимо, полагается продолжить диалог или выйти вон, но я не решаюсь ни на первое, ни на второе и не двигаюсь с места.

«Придумай что-нибудь, быстро!»

Усердно роюсь в памяти, пытаюсь отыскать тему для разговора, однако все тщетно. Похоже, мой план дал осечку и обратился против меня. Нет, сегодня не мой день!

Очнувшись от своего кратковременного оцепенения, я неохотно пячусь назад, бормочу «до свидания» и поворачиваюсь на 180 градусов, чтобы по-быстрому умчаться восвояси.

– Ты уже обедала?

Я оборачиваюсь в нетерпении.

– Э-э, нет.

– Я тоже, – с улыбкой говорит он. – Встретимся внизу у моей машины через двадцать минут.

Он что, приглашает меня на ланч?

– Ты ведь помнишь ее? Черная «БМВ 7». Стоит напротив банка, – напоминает мне Роберт, подозревая, что я запамятовала. И не зря, поскольку я не помню. Я вообще плохо в них разбираюсь, и в моем подсознании никак не укладывается, что он только что пригласил меня на ланч.

– Эм... да, конечно. – бездумно бросаю я.

– Тогда до встречи.

* * *

Через пять минут я уже топчусь возле банка, издали наблюдая за черной «БМВ» седьмой серии. Да, именно на такой машине должен разъезжать бизнесмен с замашками нетерпимого сноба.

К водителю подойти я постеснялась, лучше подожду здесь.

От волнения руки вспотели, вдобавок ветер потрепал мои волосы, сделав из меня болонку.

Раздраженная, заправляю их за уши и смотрю на свои брюки – на них несколько мятых полосочек, вертикальных и горизонтальных.

Черт подери!

Критично осматриваю пиджак, пыльные лодочки и останавливаюсь на покусанных ногтях, покрытых прозрачным лаком. У.Ж.А.С.!

«Нет, он не для тебя», – твержу я себе, тревожно поглядывая на двери в ED Group.

Роберт вот-вот появится, и мне волей-неволей придется составить ему компанию. Ключевое слово «придется», потому как я бы с радостью сбежала и предалась унынию в какой-нибудь кондитерской.

Он и я – ну где это видано!

Фатальное несоответствие, не укладывающееся в рамки вселенной.

Проклятие! Я с силой одергиваю рукава пиджака, будто они в чем-то виноваты. Ну почему, почему мы такие разные? И угораздило меня притянуться с этой ручкой! Чего ради? Чтобы опять выставить себя посмешищем? Тут я капельку перестаралась.

Делаю вдох-выдох, приглаживаю непослушные пряди, торчащие со всех сторон, и стараюсь не паниковать.

«Все будет хорошо, он не кусается».

– Эй, отдел кадров!

Черт, Джейсон Торн. Как не вовремя!

– Привет. – Я натянуто улыбаюсь.

– Привет! Кого-то ждешь?

– Э-э, вроде того, – уклончиво отвечаю я, потупив взгляд. – А ты?

– Решил для разнообразия сходить в пиццерию неподалеку. Надоела офисная стряпня.

Он смеется и хочет сказать что-то еще, но тут появляется Роберт.

– Здравствуйте, мистер Эддингтон. – деловито здоровается Торн, не решившись на рукопожатие.

– Здравствуйте, – сухо отзывается Роберт и сразу обращается ко мне: – Пойдем.

Похоже, он не в настроении. Почему? Перевожу взгляд на блондина, тот стоит с вытянутой физиономией, на которой застыл немой вопрос. Ох, лучше помалкивай, Джей.

- Позже споемся, – неслышно бурчу я, покорно следуя за Эддингтоном.
- Роберт по-джентльменски пропускает меня вперед, садится рядом и закрывает дверцу.
- Обедать, – равнодушно приказывает он, и машина трогается с места.

* * *

Излюбленный ресторан мистера «БМВ» находится в Ист-Виллидж и представляет собой одноэтажное здание, напоминающее арендованный кем-то частный домик. Я удивлена, что Роберт обедает здесь. Когда мы заходим, к нам сразу же подбегает низенькая светловолосая официантка в красном переднике.

– Добрый день, мистер Эддингтон! – радостно верещит она, даже не взглянув в мою сторону.

Ну, естественно.

– Добрый день, Майли.

«Майли», – ревностно подмечаю я.

– Как всегда, у окна?

Он кивает.

– Прошу.

Мы проходим в дальний угол ресторана и одновременно садимся за квадратный столик, накрытый белой скатертью. Вокруг никого, все посетители остались в самом начале.

– Меню или как обычно? – угодливо спрашивает официантка.

– Мне как обычно, а юной леди, пожалуй, понадобится.

Юной леди? Задетая за живое, брякаю сдуру:

– Не понадобится.

Роберт сужает глаза.

– Хочешь того же, что и я? – переспрашивает он на всякий случай.

Я пожимаю плечами, мол, без разницы. Черт меня дернул выпендриваться!

– Но ты ведь даже не знаешь, что я люблю, – настаивает он. Мои щеки пунцовеют. На мгновение я забываю, что мы говорим о еде, и предаюсь посторонним мыслям, но его пристальный взгляд выводит меня из лабиринта раздумий.

– И что вы любите? – бросаю я небрежно.

Роберт таинственно отмалчивается, испытующе глядя на меня.

Хочет, чтобы я сама выбрала. О'кей.

Девушка в красном переднике притаилась, застыв с ручкой и блокнотом в руке. Ей не положено проявлять лишних эмоций.

– Ладно, я хочу картошку и какое-нибудь мясо, хорошенько прожаренное.

Эддингтон сдавленно смеется, вызывая во мне новую волну паники. Ну что на этот раз?!

– В общем, принесите две порции «как обычно», – говорит он, снисходительно глянув на меня.

Девушка торопливо убегает на кухню. Да, ради такого мужчины можно и побегать. Но чем ему не угодил мой выбор?

– Идея с мясом и картошкой вам не понравилась? – спрашиваю я, когда мы остаемся наедине.

– Почему же? Нам это и принесут.

– Как? – от переизбытка чувств мой мозг взял тайм-аут.

– Это как раз то, что я обычно заказываю, – терпеливо поясняет Роберт.

– Да? Странно... – ляпаю я вслух, посчитав это действительно странным.

– Почему странно? – спрашивает он, всматриваясь в мое лицо.

Цвет его глаз завораживает, и мой мыслительный процесс значительно замедляется.

Он невозможно красив!

Не могу сосредоточиться, поэтому перевожу взгляд на скатерть. На ней ни пятнышка. В голове рождается ответ. Надеюсь, моя теория не сильно его заденет...

– Я думала, вы предпочитаете более изысканные блюда, например, лобстеров.

Он смеется.

– Я не гурман, а лобстеров вообще не люблю. Однако у меня есть свои причуды.

Причуды?

– Как дресс-код, например? – расхрабрившись, допытываюсь я, вытягивая из него безмолвную улыбку. Покуда он не обижается, продолжаю: – Вам обязательно наряжать всех в одинаковую одежду?

– Да, меня раздражают пестрые оттенки. Плюс лишняя организованность не повредит.

Чувствую, что он лукавит, поэтому ввязываюсь в спор:

– А как насчет длины юбок и высоты каблука? И почему именно белый верх, черный низ, а не серый, например? Он тоже блеклый.

Озадаченный моей настойчивостью, Роберт выдерживает паузу и невозмутимо отвечает:

– Потому что я так хочу.

Вот так, понятно? Мальчик захотел – мальчик сделал. Точка. Это так непрофессионально!

– Тебя не устраивает дресс-код. – утверждает он, переводя стрелки на меня.

П-ф-ф-ф, а то!

– Мне не очень нравится строгий стиль и однообразие надоедает.

– И какой же стиль тебе нравится?

Мне? О боже...

– Э-э... повседневный, – бормочу я с запинками, – молодежный...

Вспоминаю свой хлам. Слово «стиль» к нему неприменимо. Как объяснить ему, что одежда для меня всего лишь способ прикрыть срам, а не форма самовыражения?

Возвращается официантка с подносом. Ох, спасительница моя!

– Пожалуйста. – Она ставит на стол тарелки, приборы и бутылки минералки, отвинчивает крышки и намеревается разлить воду по стаканам.

– Я сам, – встревает Роберт, взяв инициативу в свои руки.

Девушка желает нам приятного аппетита и уходит.

В нос ударяет приятный аромат сочного поджаристого кусочка телятины и хрустящей картошки, нарезанной тонкой стружкой. Мое любимое блюдо.

– Предлагаю перейти на «ты», – наполнив стаканы, фамильярничает Эддингтон. – Тем более мы родственники.

– Не кровные, – поспешно уточняю я. Он чуть-чуть улыбается.

– Да, я в курсе.

Затем мы погружаемся в молчаливую трапезу, в процессе которой я успеваю как следует рассмотреть его лицо, пройтись взглядом по мужественному кадыку, по шее с напряженными жилами и забраться в распахнутый воротник белой рубашки, откуда виднеются темные курчавые волоски. Ох, это так... волнующе. Интересно, какие они на ощупь?..

– Зачем ты приехала в Нью-Йорк?

Отвлекаюсь от созерцания прекрасного и, пойманная с поличным, набрасываюсь на свой обед.

– Мама настояла, – с набитым ртом отвечаю я.

– Почему?

– Сложно объяснить. – Я колеблюсь. Откровения не мой конек, как, впрочем, и ложь. – Душевный кризис.

– Душевный кризис? – вторит он мне с абсолютно неуместной ухмылкой.

Я ошетиливаюсь и взглядом спрашиваю: «Да, и что?»

– Ты еще слишком молода для душевного кризиса, – поясняет он посерьезнев.

– Возраст здесь ни при чем, – ворчу я, – и мне не пятнадцать.

– Знаю, восемнадцать.

Роберт напускает на себя беспристрастный вид, учтиво подыгрывая мне. Не стоит, мистер Эддингтон. Я знаю, что вы не воспринимаете меня всерьез.

– Ну и как тебе город, нравится?

Хм, он хочет увести разговор в другую сторону, но я не сомневаюсь, что наша беседа его ничуть не занимает. Наверное, жалеет, что пригласил меня, а не какую-нибудь куколку с ногами от ушей.

– Да, нравится. – Я перестаю есть. – Почему ты пригласил меня сюда?

Роберт хмыкает и, кажется, силится не расхохотаться. Что смешного?

– Почему я пригласил тебя *сюда* или почему я вообще пригласил тебя? – уточняет он, будто это меняет смысл.

– Вообще.

Ну же, колись!

Он пожимает плечами и, глядя мне в глаза, произносит:

– Просто так.

– Все в порядке, мистер Эддингтон?

Снова эта Майли. Надоедливая табуретка! Нервно комкаю салфетку.

– Да, – мрачно отрезает Роберт, убрав со стола руки.

– Желаете еще чего-нибудь?

Он смотрит на часы.

– Нет, нам пора.

Я снижаю, но вида не подаю. Роберт отодвигает край пиджака, достает из внутреннего кармана бумажник, выуживает кредитку и передает официантке.

Пока он расплачивается, я позволяю себе полюбоваться им еще самую малость.

По дороге в офис я прокручиваю в голове наш обед, а мой босс тем временем созванивается с коллегами и обсуждает слияния и прочую фигню, от которой у меня мозг пухнет.

Я так и не поняла, для чего он пригласил меня. Ничего существенного мы друг о друге не узнали, а покушать можно было бы и порознь. Откуда-то из глубины моей мечтательности высовывается малюсенькая надежда, но я быстро засовываю ее обратно и полагаюсь на здравый смысл. Я не нравлюсь ему, не нравлюсь! Он просто впервые попытался быть вежливым, а я нафантазировала лишнего. И какие могут быть объяснения, когда он сам сказал, что сделал это просто так? Просто так, ясно? Все гениальное просто.

* * *

Вернувшись в отдел кадров, я получила выговор за пятнадцатиминутное опоздание. Если бы эта вонючка мисс Смит знала, с кем я прогуливала!..

– Не расстраивайся, – успокаивает меня сидящая за компом Селест. Она тоже не знает. – Раз в две-три недели ее стародевические демоны выползают из спячки и напиваются чьей-нибудь крови.

– Раньше она казалась более приветливой, – задумчиво произношу я, допечатывая документ.

– Ага, ключевое слово «казалась». – Сэл показывает в воздухе воображаемые кавычки. – Многие здесь лишь кажутся хорошими, а в реале...

Я хмурюсь.

– Кто именно, если не секрет?

Она отмахивается.

– Эй, так нечестно!

– Отстань, Кэт! – в шутку возмущается секретарша, постукивая по клавишам.

– Назови хотя бы «святую троицу», – настаиваю я, умирая от любопытства.

Отправив файл в печать, Селест встает, подходит к моему столу и говорит вполголоса:

– Ну, например, Мур, – я вскидываю брови, – Ричард Спенсер из финансового отдела...

Ни фиги себе. Аманда – скрытая стерва?

– Кто еще...

– Роберт Эддингтон?.. – подсказываю я. Сэл шипит на меня, как кобра, будто я вторглась в сверхсекретную базу Пентагона.

– Тише ты! Я ничего о нем не знаю, – шепчет она, – ну, кроме неподтвержденных слухов.

– Каких еще слухов? – Я напрягаюсь.

– Ну... что он спит с дочерью владельца банка.

Что?

– Банка? – Меня словно книгой прихлопнули.

– Нижнего.

«Напротив которого он паркуется», – мысленно сопоставляю я, искусно изображая безразличие.

Рыжая и не подозревает, что ее безобидные сплетни разожгли в моем желудке костер и вызвали несварение.

* * *

Весь путь от работы до дома я прозанималась самоедством.

Спит-с-дочерью-владельца-банка!

Спит-с-дочерью-владельца-банка!

В моем организме не осталось места, куда бы не проникла эта пресловутая фраза. Мозг превратился в гигантский знак вопроса, мне столько нужно узнать!

Что еще за дочка?

У них серьезно?

Они влюблены?

Ох, лучше бы Сэл помалкивала! Кто ее за язык тянул?!

Я не просила делать доклад на тему потенциальных шлюх нашего директора!

Выбрасываю недоеденный сэндвич в мусорку и несусь к ноутбуку.

Меня с детства учили, что любопытство – опаснейший из пороков, и если уж ты идешь у него на поводу, то потом не жалуйся. Нет нужды говорить, что я так и не вынесла из этого урока.

Вбиваю в поисковик название банка и получаю ссылку на нужный сайт.

Банкира зовут Джон Александер, ему 55 лет, родом из Нью-Джерси, вдовец.

Ого. Листаю ниже.

Джон Александер с дочерью Жаклин на благотворительном вечере.

Жаклин? Как претенциозно...

Развернув фото во весь экран, я непроизвольно роняю челюсть.

Вот она, предполагаемая любовница мистера «сраного бабника» Эддингтона – шикарная голубоглазая блондинка с точеной фигуркой! Ей года двадцать три, не больше, и у нее роскош-

ная зона декольте. Да, есть на что посмотреть... в отличие от... – машинально прикладываю ладони к своей груди. Там примерно четвертая часть того, что спрятано в лифчике Жаклин.

И где он только находит этих Барби?

Желудок сводит от спазма, я кривлюсь и делаю глубокий вдох. Ну что, мисс Марпл, допрыгалась? Потешила свое любопытство?!

Переставляю ноутбук на соседнюю подушку и забираюсь под одеяло. Сэндвич с тунцом так и норовит выскочить наружу, вдобавок голову сдавила мигрень. По ходу, я перенервничала.

За сутки со мной произошло больше, чем за все время пребывания в Нью-Йорке! Пьяный ночной гость, постыдное падение, обед с красавцем и неприятное известие о сопернице. О господи, я что, действительно подумала «соперница»? Должно быть, я спятила!

Поворачиваюсь на бок, сворачиваюсь калачиком и внезапно вспоминаю о маме. Наверное, она испытывала нечто похожее, когда узнала о любовнице отца. Он ведь тоже не смог устоять перед эффектной внешностью...

Я накрываюсь одеялом, закрываю глаза и долго дожидаюсь Морфея, который заберет меня в мир сказочных снов, где не существует недоступных принцев, грудастых принцесс и социальной лестницы.

* * *

На следующий день Эддингтоны пригласили меня на ужин. Я так спешу, что забыла попрощаться с Селест. Надеюсь, она не обиделась.

Галопом забежав в квартиру, второпях принимаю душ, затем кидаюсь к шкафу и неумело подбираю наряд, не имея ни малейшего представления, что с чем сочетать. Ах, Фабио, где же ты, мой модный гуру?!

С одной стороны на меня смотрят джинсы и спортивные штаны, с другой майки и страшные бесформенные толстовки, уродующие фигуру.

– Нет, не пойдет, – резюмирую я. Нужно полностью абстрагироваться от привычного и перевоплотиться в существо, хотя бы отдаленно напоминающее женщину. Зачем? Затем, что Роберт тоже там будет, и...

Ох, что же делать?!

Я сдвигаю вешалки и обнаруживаю бирюзовое платье, на покупку которого подбил меня Фаби. Помнится, он уверял, что в нем я практически Афродита, а я думала лишь о восьмистах долларах, потраченных на кусок дизайнерской тряпки.

Достав платье из шкафа, кладу его на кровать, досконально исследуя на предмет плюсов.

Во-первых – фасон. Утянутое под грудью и расширяющееся книзу – в нем я не буду казаться такой тощей.

Во-вторых – длина. Чуть выше колен, оно прикроет часть моих спичечных ног. Жаль только, что часть, но Фабио противник, цитирую, «бабушкиного балахона».

Быстро подобрав похожие туфли и сумочку, снимаю с головы полотенце и иду сушить волосы.

* * *

Помимо меня, Майкла, Стюарта и Риз, за столом также присутствуют две семейные пары. Роберт задерживается, и я уже сомневаюсь, появится ли он вообще. От волнения кусок в горло не лезет, в довершение ко всему мое тело никак не адаптируется к платью. Чувствую себя как Джерри из «В джазе только девушки»! Для полноты картины не хватает парика и накладной груди.

Нет, дядя и тетя не поскупились на комплименты, в унисон провозгласив меня красавицей, но кого волнует мнение двух стариков? Другое дело их старший сын, ради которого я так вырядилась. И где, спрашивается, он застрял?

На работе? Да, он вполне может быть на работе.

«Или с Жаклин», – парирует моя темная сторона.

В воздухе звенит дорогой хрусталь, я, кажется, пропустила какой-то тост. Смущенно улыбаюсь и смотрю на сидящего напротив Майка. В отличие от остальных мужчин, предпочитающих вино, он в одиночку уничтожает крепкий ирландский виски и даже не морщится. Странно, что родители потакают ему, вместо того чтобы забить тревогу. У парня серьезные проблемы с алкоголем.

– Вам не понравился ягненок, мисс? – спрашивает появившаяся из ниоткуда Анетт.

– Нет, просто... – озадаченно гляжу на нетронутый кусочек мяса, – я уже наелась.

– Если хотите, я приготовлю для вас что-нибудь другое.

О небеса...

– Нет-нет, – категорически отказываюсь я, – здесь и так полно всего...

– А вы пробовали желтый рис?

Какой на фиг желтый рис? Похоже, что я думаю о желтом рисе?! Вздыхаю и отвечаю, что не пробовала, после чего Анетт забирает у меня тарелку и тянется к овальному блюду. Бог с ней, лишь бы отстала. Пока толстушка беззастенчиво восхваляет свою стряпню, за другим концом стола раздаются восторженные возгласы.

Заинтересованно вытягиваю шею и застываю с раскрытым ртом.

– Извините за опоздание, переговоры затянулись, – сообщает голос с хрипотцой, и мое сердце подскакивает к горлу.

О черт, он все-таки явился.

Непроизвольно распрямляю спину, словно первоклашка за партой, и ловлю себя на случайной мысли, что именно так он на меня действует – как учитель на школьницу.

Роберт по очереди здоровается с гостями, обменивается с ними любезностями, грациозно передвигаясь по комнате, а я с восхищением наблюдаю за ним, любуясь каждым жестом, каждым движением. Он такой красивый!..

В синем костюме и светлой рубашке он выглядит неприлично потрясающе.

«Не пялься на него!» – одергиваю я себя и неохотно переключаюсь на Майка. Тот задумчиво исследует виски на дне стакана, потом поднимает глаза и подмигивает мне.

Что это значит?

Наконец, к нам присоединяется Роберт. К этому моменту я уже люблюсь желтым рисом.

Братья не здороваются. Роберт садится рядом с Майком, расстегивает пиджак и, глядя на меня, говорит:

– Привет.

– Привет... – неслышно отзываюсь я.

Он улыбается, пробегает взглядом по моим оголенным плечам и изумленно вскидывает брови.

Дьявол, я сейчас сдохну!

Нутром чую, ему не понравилось платье. Проклятое идиотское платье, сшитое для девушек, а не для угловатых пацанок! Окончательно скиснув, я принимаюсь за желтый рис и стараюсь больше ни на кого не смотреть.

* * *

Через полчаса за столом становится шумно. Эддингтоны и Ко развели дискуссию о влиянии Интернета на нынешнюю молодежь, и, как обычно бывает, мнения всех четверых разделились.

– Я убежден, что в будущем человечество настолько погрязнет в виртуальном мире, что в реальном люди перестанут вступать в браки и рожать детей, – пессимистично заявляет дядя. – Посмотрите вокруг, подростки разучились общаться! Они приходят в кафе не для того, чтобы попить кофе с друзьями, а чтобы словить Wi-Fi и поторчать в социальных сетях.

– Да, но люди двадцать первого века охотнее знакомятся в соцсетях, нежели на улице, – вмешивается мужчина, чьего имени я не запомнила, – это эволюция, Стюарт.

– Между прочим, – вступает тетя, – дочь Хоффманов так вышла замуж! Они познакомились на Фейсбуке. Я тебе рассказывала, Диана...

На этом мои слуховые шлюзы закрываются, и я перестаю слушать. История про некую особу, выскочившую замуж благодаря детищу Марка Цукерберга¹⁴, меня не колышет. Украдкой посматриваю на Роберта. Он меня колышет. А я его? К сожалению, маловероятно. За те сорок пять минут, что мы сидим напротив друг друга, он на меня почти ни разу не взглянул, а я уже прожгла в нем дыру размером с Акапулько. Странно, ведь обычно все наоборот...

– Эй, Роб, – ни с того ни с сего оживляется Майк, – правда, кухня сногшибательна в этом платье?

Что?!

Я судорожно втягиваю воздух. Боже, зачем?..

– Угу, – с улыбкой подтверждает Роберт, искоса глянув на меня.

Я розовею.

– Тогда хрен ли ты заставляешь ее носить этот дурацкий костюм? – оскаливается вдруг Майк.

Вот дерьмо!

Он здорово набрался, опустошив полбутылки Bushmills¹⁵, и явно нарывается на скандал.

– Ты хочешь поговорить об этом?

– Да, блин!

– В другой раз, братец, – здравомысляще заключает Роберт, хлопнув провокатора по плечу. Тот обиженно сбрасывает его руку и вновь прикладывается к виски.

Ну и ну!

Какая кошка между ними пробежала? От Майкла веет такой враждебностью, что я невольно съеживаюсь. Да, он пьян, но не зря же говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

– Роб, помнишь тот случай, когда Майки подвел всю баскетбольную команду и сбежал с подружкой в Вегас? – смеется Риз, непреднамеренно подливая масла в огонь.

– Да, что-то припоминаю. – Роберт неохотно кивает.

Гости и хозяйева весело хохочут, а передо мной тем временем разворачивается отнюдь не комичное представление. Клокоча от гнева, Майк с силой ставит на стол пустой стакан и шипит сквозь зубы:

¹⁴ **Марк Цукерберг** — американский программист и предприниматель в области интернет-технологий, один из разработчиков и основателей социальной сети Фейсбук.

¹⁵ **Bushmills** – ирландский виски.

– Давай, братец, расскажи им, какой я козел. Ты ведь у нас идеальный бизнесмен, сын, бойфренд... – невнятно перечисляет он. Я опасливо кошусь на дядю с тетей, но они увлечены разговорами. – Хотя нет, бойфренд-то из тебя фуфло!

Фуфло?! Я мигаю.

– Да, Ф.У.Ф.Л.О. – в подтверждение своих слов по буквам повторяет Майк.

Внезапно Роберт меняется в лице. Его железобетонное терпение дает трещину. Он побледнел, в глазах появился холодный блеск, желваки гуляют. Он в ярости!

Наклонив голову, он говорит что-то Майку, тот усмехается, и оба встают из-за стола.

– В чем дело, ребята? – озабочено интересуется Риз.

Наконец-то! Я втайне надеюсь, что она сумеет предотвратить надвигающийся мордобой.

– Мы отойдем, нужно обсудить кое-что, – не моргнув глазом врет Роберт, и, черт подери, она ему верит! Хочу крикнуть «постойте!», но вместо этого беспомощно вешаю нос.

Через пять минут мое подсознание уже рисует красочные сцены из «Рокки 5»: разбитые челюсти, веки, лужи крови... мамочка!

Нервно трясую ногой.

Нельзя просто сидеть и ждать! Планирую, как улизнуть, но удача сама плывет мне в руки.

– Кэти, милая, сходи за ребятами, сейчас подадут десерт. Их дела могут подождать, – говорит тетя, и это первая просьба, которую я выполняю со скоростью света.

Выскочив в коридор, я сталкиваюсь с Анетт. Она несет поднос с десертом.

– Где они? – быстро спрашиваю я. – Братья где?!

– Кажется, в кабинете мистера Эддингтона, – бормочет служанка, тревожно указав пальцем назад.

Мчусь туда.

Если мне не изменяет память, кабинет Стюарта расположен прямо у лестницы. Я была в нем однажды, когда тетя устраивала нам с мамой экскурсию по дому. Там очень красиво. Слишком красиво для боксерского ринга.

Подкрадываюсь к двустворчатым дверям из красного дерева и сразу улавливаю возбужденные голоса.

– Что, герой? Самый крутой и всемогущий?! Только я не твой раб, усек?!

Охренеть. Майкла несет, как дерьмо по Миссисипи.

– Допустим. Дальше что? – устало отзывается Роберт.

– Что дальше? – Пьяный смех. – Я собираюсь вершить правосудие, вот что!

Он спятил?

– Протрезвей для начала, судья ты недоделанный. И научись себя контролировать. Ты уже вырос из детских штанов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.